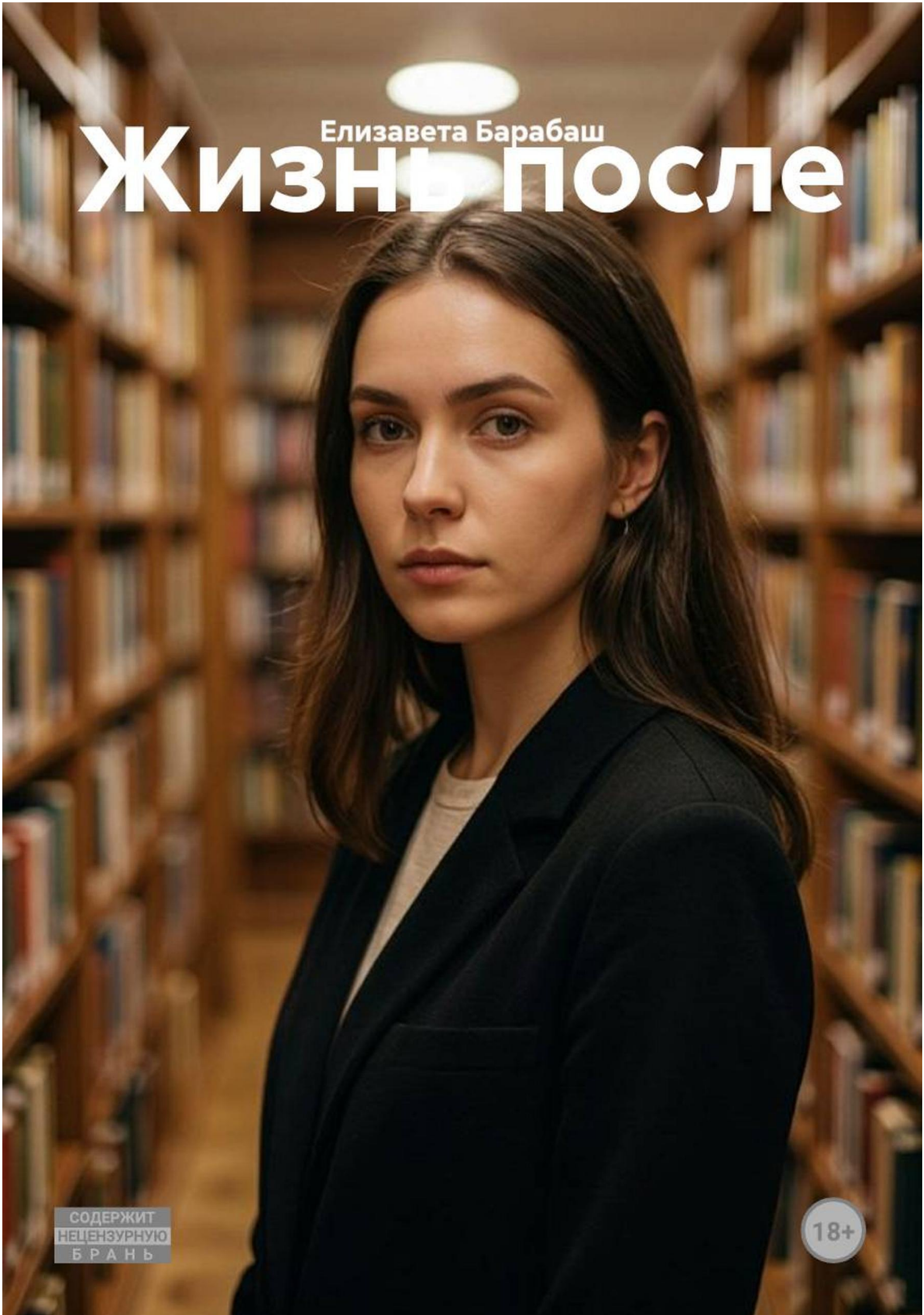

Елизавета Барабаш
Жизнь после
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Елизавета Барабаш

Жизнь после

«Автор»
2026

Барабаш Е. Г.

Жизнь после / Е. Г. Барабаш — «Автор», 2026

Что может ждать тебя при выходе из декрета на работу в библиотеку, когда ты в разводе, воюешь с бывшим и совершенно не планируешь вступать в новые отношения? Особенно, если практически сразу умудряешься заполучить в качестве врага жёсткого, острого на язык начальника одного из департаментов? Нервотрепка, не более. Судьба давно уже не благоволила тебе, а уж теперь жизнь точно станет в разы хуже. Хотя, кто знает, может, именно работа подарит тебе шанс стать, наконец, счастливой?

© Барабаш Е. Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 17
Глава 5 20
Глава 6 24
Глава 7 27
Глава 8 32
Глава 9 35
Глава 10 38
Глава 11 43
Глава 12 45
Глава 13 49
Глава 14 52
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Елизавета Барабаш
Жизнь после

Глава 1

Возвращаться на работу всегда нелегко, будь то после выходных или через два года, которые ты провела, возясь с памперсами и пустышками и периодически плача от недосыпа. Успеваешь не просто забыть всю необходимую информацию, которой раньше разбрасывалась на все четыре стороны, но и умудряешься опуститься на самое дно по уровню социализации. Там не просто ни бе, ни ме, там абсолютное «здлясьте, кадела». Но, казалось бы, с твоей–то памятью что может быть проще, чем вспомнить несколько десятков алгоритмов и научиться снова взаимодействовать с людьми? Боже, да ты даже пароль от своей учетной записи помнишь лучше таблицы умножения! Всё же будет хорошо, да?

В 24 года Вера Минаева пришла работать в библиотеку в один из самых престижных университетов столицы. К тому времени ее уже тошнило от вопросов по типу «на библиотекаря реально нужно учиться?», поэтому она решила полностью и бесповоротно отгородиться от подобного и обосноваться в среде, где этот вопрос был под строжайшим запретом. Работа оказалась не пыльная, но и расслабляться повода не было. Куча молодых студентов и студенток требовали немало внимания, закидывая девушку вопросами, особенно первые, да и с документацией работы хватало. Что ж, после окончания университета энергии у Веры было хоть отбавляй, поэтому она с удовольствием крутилась в пестрой молодежной атмосфере, чувствуя себя центром социальной помощи тем, кто не мог самостоятельно решить проблему, в данном случае, найти определенную книгу или получить доступ к ресурсам через ноутбук.

Далее ее личная жизнь решила взять первенство на себя, и девушка неожиданно вышла замуж. Андрея она знала, как минимум, пять лет. Вытерпев долгие годы ухаживаний без особого труда, она надела кольцо на палец и прыгнула в пропасть под названием «семейная жизнь». Правда, продлилось это недолго. Через год после свадьбы у нее родилась дочка, Есения. И уже через полгода муж благополучно и официально стал бывшим. Так бывает, ошиблась – утешала она себя. Связаться с абьюзером – дело нехитрое, хоть и неприятное. И это не было никак связано с внезапно возросшей популярностью а–он–оказался–абьюзером–пожалейте–меня–пожалуйста, скорее, только тогда Вера наконец поняла эту тенденцию, но было уже поздно.

Теперь молодая мама жила припеваючи (и в меру припиваючи) с мамой и своим маленьким, так быстро подрастающим человечком. Андрей не был стопроцентным мудаком (хотя с этим Минаева поспорила бы), поэтому исправно платил алименты, как ему казалось, в колоссальном объеме. Неважно, что 89% уходили на памперсы, детскую одежду, питание и всякие детские аксессуары, и именно поэтому в ноябре, когда Есении исполнилось два с половиной года, Вера вышла на работу, со счастливой улыбкой и небольшим грузом на плечах. Не в прямом смысле, но это неважно.

Переноситься из одной рутины в другую могло показаться не лучшей идеей, но для молодой девушки, почти два года не видевшей свет, это стало шагом в «блистающий новый мир». Елена Анатольевна Швец, руководитель их сектора, приняла сотрудницу с распростертыми объятиями.

– Верочка, мы все очень рады Вас видеть! Готовы к насыщенным трудовым будням? Или, скорее, вечерам, учитывая, что Вы пока будете работать во вторую смену.

Ох уж это формальное обращение! Вера до сих пор не могла понять, почему женщина 60–ти лет обращается к ней на «Вы». Это же смешно. И нелепо. Как будто настало время для ежедневного посещения Пенсионного фонда РФ и ворчания в сторону «позорно одетой молодежи».

– Елена Анатольевна, конечно. Буду стараться восполнить все пробелы как можно быстрее.

И она не соврала. В течение всего дня в нее всячески пытались запихнуть разного рода информацию. Вера чувствовала себя флешкой, которую подключили к компьютеру с целью как можно быстрее перенести на нее все имеющиеся файлы мира. К вечеру голова пухла от утомления и переизбытка инструкций. Заместитель руководителя, Яна Валерьевна Кольцова, тоже принимала активное участие в восстановлении памяти вновь пришедшей сотрудницы. Она была милейшей женщиной лет 45, ее короткие волосы, крашенные под блонд, всегда были тщательно уложены, поэтому создавалось впечатление, что каждое ее раннее утро (жила она не в Москве) она проводила в салонах и со всеми мастерами уже была на короткой ноге. Правда, за всей этой маской дружелюбности Вера не могла разглядеть истинного лица, поэтому невольно вела себя настороже, как будто в любой момент ожидала подлянки. Дай Бог, чтобы ей это только казалось. Две другие сотрудницы, Анна Федоровна и Зоя Аркадьевна, работавшие в читальном зале на цокольном этаже, были уже пенсионного возраста и отвечали непосредственно за сферу обслуживания читателей, редко поднимаясь в офис библиотеки, который находился на 1 этаже.

Приятной неожиданностью для Веры стало появление нового сотрудника в их секторе: молодой девушки Леры Коваль. «Ну слава Богу, единственное личико без морщин в этом офисе! Надеюсь, она не окажется с крысиными замашками», – подумала Минаева, тепло улыбнувшись коллеге.

«Хотя, возможно, я сама сейчас прозвучала, как крыса…»

Было тяжело после двух лет возни с маленьким ребенком тут же вникнуть в рабочий процесс и стараться вести себя, как взрослая сформировавшаяся личность. Глаза уставали от сидения за компьютером, чертовски не хватало кофе и еды (дома зачастую просто не было времени на перекус), вся эта рабочая атмосфера уже давно была чужда ей и выбивала из колеи. Но девушка понимала, что сейчас ей необходимо взять кота за яйца и перестать быть инфантильной дурочкой. А как еще можно было ее назвать, когда она умудрилась связаться с человеком, в последствие изуродовавшем ее хрупкий внутренний мир? Вера даже курить начала и никак не могла перестать, не находя ни мотивации, ни силы воли.

После работы она возвращалась домой, в свое теплое уютное гнездышко. Ее мама, Ольга Андреевна, к тому времени уже укладывала Есению, поэтому чаще всего Вера не успевала к ее ночному сну. Сначала осознание этого коробило ее: вдруг дочь привыкнет к ее частому отсутствию и всю свою любовь переключит на бабушку, вдруг прервется эта незримая связь, которая обычно существует между мамой и дочкой. Но иного выхода не было, спасибо–тебе–Андрей–и–иди–к–чёрту. Не отправлять же ей на работу бабушку?

В целом, такая жизнь ее устраивала, несмотря на то, что теперь девушка приходила домой поздно вечером и буквально валилась с ног. Всё, на что ей хватало сил, – это смыть макияж, изредка выпить бокал вина и обменяться с мамой итогами дня. После она ложилась в постель, по традиции смотрела одну–две серии какого–нибудь сериала и далее начинался период ворочания, который длился от получаса до бесконечности. Она то прокручивала прошедший день в голове, несмотря на то что прокручивать было особо нечего, то планировала следующий, иногда думала о рабочих моментах, но чаще всего фантазировала, как говорится, строила воздушные замки. К сожалению, утром они рассеивались и от них оставалась лишь белая пелена нелепой мечты.

Выходные она проводила в основном, с Есенией, но раз в месяц, иногда чаще, старалась выбираться из дома на встречу с подругами. С Вероникой и Сашей они дружили больше восьми лет, начиная с девятого класса, когда Вера перешла в их школу. Ника была с темными волосами неимоверной длины, казалось, еще чуть–чуть, и она спокойно сможет выйти на улицу в костюме Евы. Благодаря ее невысокому росту подруги могли спокойно упражняться в своем чувстве юмора, однако Ника понимала, что обижаться на них было бы слишком низко с ее стороны. Она была творческим человеком, постоянно в режиме движения, новые знакомства,

поездки, встречи – в этом и состояла ее жизнь. Вторую, Сашу, можно было бы назвать полной противоположностью, но это не было бы стопроцентной правдой. Кто хорошо ее знал, понимал, что вечный бич–фейс (а–ля синдром стервозного лица) – это не ее диагноз. И чувствительность, и переживания, и ранимость – всё это могло быть ей присуще, правда, ну в очень редких случаях. Ее темно–каштановые волосы едва ли доходили до плеч, часто были в беспорядке, но это небрежное каре только добавляло шарма девушке. Они обе работали, каждый по своей специальности: Ника преподавателем химии и биологии в гимназии, Саша – в частной клинике старшей медсестрой. Нужно ли упоминать то, что Вера чувствовала себя «нищебродкой со стажем» рядом с ними, но кто бы что ни думал, Минаева любила свою работу.

Каждое утро девушки начиналось одинаково и, к счастью, не так рано: Есения оказалась той еще соней, потому что зачастую спала часов до десяти. Гены, – смеялись обе Минаевы. Они садились втроем завтракать, строя планы на день и сплетничая обо всем и вся. Есения пока что не принимала участия в этих пустословных женских пересудах в силу своего возраста, даже не обращала на них внимания, уплетая кашу, блинчики или сырники. Она знала: чем быстрее съест первую часть, тем скорее взрослые перейдут к сладкому. И пускай ей было всего только два с половиной года, дурочкой она не была (слава Богу, говорила Вера), в отличие от своей мамы (вот чёрт).

Молодая мама, сделав все необходимые дела по дому, крепко целовала дочку и выходила из дома примерно минут за сорок, чтобы успеть зайти за напитком бодрости, без которого весь рабочий процесс летел к чертям собачьим, судя по первому дню после декрета. В кофейне бариста уже знал ее и ждал, учитывая, что девушка приходила каждый день в одно и то же время, ну ладно, плюс – минус. Вера забирала заветный стаканчик и мчалась к университету.

Глава 2

Так прошел месяц. Приближалась конкретная зима, и каждый раз, выходя на улицу, Вера то ли молилась, то ли ругалась. В грациозности ей никто не мог позавидовать, поэтому поход от дома до работы и обратно давался ей с трудом: скользкие дороги и вечный снег прям в лицо. Ужас. Никакая обувь не спасала. Вере казалось, наклей она на подошву наждачную бумагу, все равно будет как корова на льду. Только подойдя к дверям университета, девушка со словами благодарности выдыхала.

– Вера, в шкафу стопка книг – это новые поступления. Надо занести их в базу, чтобы можно было начать выдавать студентам. Демидов вчера подписал акт. Сверяйся с инструкцией, будут вопросы – обращайся к Лере.

Минаева кивнула Елене Анатольевне и метнула взгляд к Лере. Та лишь слегка улыбнулась, словно подтверждая слова начальницы. Как ни странно, между молодыми сотрудницами не возникало никаких проблем, а уж тем более соперничества. Каждая занималась своим делом, но и в то же время с радостью была готова помочь другой. «С радостью» точно относилось к Вере, но в душе она лелеяла надежду, что и Коваль того же мнения.

Погрузившись в работу, Вера не замечала и не слышала ничего вокруг. Если бы начальница так хорошо ее не знала, давно бы уволила по статье «игнорирование руководящего состава». Плевать, что такой статьи не было, потому что благодаря Вере ее непременно вписали бы в УК РФ.

Где-то издалека она слышала обрывки диалога. «Не в настроении», «напряженный», «Демидов», «подписывать акты». С одной стороны, девушка хотела бы поучаствовать в разговоре, улучшить свои навыки общения с людьми, узнать последние сплетни, чтобы не быть белой вороной, только что вышедшей из декрета, но в момент, когда ей давали конкретное задание, мозг тут же говорил всем «аривидерчи» и отключался, концентрируясь лишь на нем. Коллеги, прошу меня простить, count me out.

Вера потихоньку вникала во все рабочие процессы, вспоминала, но чаще всего выполняла задания по работе с библиотечной базой и различные поручения на уровне «принеси–подай». Последнее подразумевало под собой походы в тот или иной кабинет к более серьезным по статусу людям (офисным планктонам, как про себя их называла Минаева) с целью забрать/принести/оставить на подпись документы, иногда требуя от девушки минут по 10, а то и больше, неловко топтаться у них под дверью.

Вот и сейчас Яна Валерьевна подошла к рабочему месту Веры и положила перед ней тощий файл с парой–тройкой документов. Девушка подняла глаза и кивнула. «О, я знаю этот взгляд. Не могла бы ты, пожалуйста, бла–бла–бла».

– Вер, не могли бы Вы, пожалуйста, отнести Демидову эти документы? Если он подпишет их сегодня, мы сможем завтра уже решать вопрос с главным офисом по поводу постановки на учет новых книг.

Вера тихонько хмыкнула и на всякий случай поинтересовалась:

– Демидов – это… тот, который сегодня не в духе?

– Не переживайте, он просто занятой человек, не съест же он Вас, – Кольцова улыбнулась и вернулась к своим делам.

– Действительно, – Вера взяла файл и уточнила: – На каком этаже его кабинет?

– 2320, третий этаж. Если его не будет на месте, оставьте их на столе, на документы я приклеила стикер, он поймет, что это срочно.

Взлетев по лестнице с необычной легкостью, девушка пошла по указателям (здание университета было не просто огромным, Хогвартс позавидовал бы такому количеству развилок и корпусов, поэтому для облегчения поиска везде были расклеены указатели с номерами каби-

нетов и департаментов). Еле слышно напевая себе под нос какую–то нелепую песенку, Вера подошла к нужной двери, которая оказалась открытой настежь. Внутри никого не было, лишь включенный экран монитора и «творческий» беспорядок на столе указывал на то, что «офисный планктон» всё еще на месте и, слава Богу, не в данный момент. Минаева практически швырнула файл с документами ему на стол и, убедившись, что он приземлился не на пол, постаралась скорее выползти из логова. Почему логова? Да хрен знает. По разговорам коллег у нее создалось именно такое ощущение, и дальше анализировать причины у нее не было ни малейшего желания. Единственное, что она отметила про себя, уже быстрым шагом направляясь обратно в офис библиотеки, – это запах. Странный запах, который, однако, не вызывал отторжения, покалывания в носу или рвоту. Что-то древесное с дымными нотами сандала, хвои и… возможно, цитруса. Было странно волнительно разбирать в своей голове одеколон страшного начальника, но в то же время девушка почувствовала себя бунтаркой, без спроса вторгшейся в чужой мир со своими размышлениями и непрошеным анализом.

Прямо с порога Минаева отчиталась, протараторив:

– Его не было. Я оставила документы на столе, как Вы и сказали. Всё хорошо.

Кольцова слегка кивнула в знак благодарности:

– Спасибо большое, надеюсь, он решит это в ближайшее время.

Вера плюхнулась в свое кресло и вернулась к работе. Заносить книги в библиотечную базу было не столь сложно, сколько утомительно: требовались концентрация, предельная внимательность, потому что каждая ошибка могла повлечь за собой двойную работу в дальнейшем. К тому же, библиотекари главного филиала пристально следили за работой своих коллег, и чуть что – сразу трезвонили с мерзкими просьбами поскорее исправить это убожество.

Прошло Бог знает сколько времени. Минаеву отвлек зазвонивший рабочий телефон Яны Валерьевны. Та сняла трубку, лишь мельком взглянув на имя на дисплее. Видно было, что ее действия стали резче, в то время как слова – мягче, а голос – выше:

– Да, Александр Станиславович! Подписали? Отлично, спасибо большое, завтра запустим в работу.

«Боже, опять эта чертова миссия подай–принеси… клянусь, меня отправит!» – мысленно застонала Вера.

– Лера, сможете забрать файл у Демидова? Вере нужно закончить с книгами, думаю, – Яна Валерьевна многозначительно посмотрела на стопку книг, стоящую перед девушкой. Минаева отчаянно закивала, словно у нее начался нервный тик головного мозга.

– Конечно, Яна Валерьевна. Без проблем.

«Слава небесам».

В 6 часов все библиотекари уходили домой, кроме сотрудницы, работавшей в читальном зале, как и Вера, во вторую смену. Девушка оставалась в офисе одна и была безмерно рада этому. Не потому что можно было побыть лентяйкой и не строить из себя суперзанятую личность, скорее, ее радовало отсутствие контроля. Никто не стоял над душой (хотя и во время рабочего дня Вера не наблюдала подобного за коллегами), можно было продолжать выполнять задания в собственном ритме, отвлекаться на сообщения (шучу, кто может ей писать, кроме подруг?) и в целом почувствовать себя полностью ответственной за рабочий процесс.

Иногда Елена Анатольевна также задерживалась и на правах начальства решала нерешаемые вопросы. В один из таких дней она поинтересовалась у Веры:

– Как Есения? В садике адаптируется?

Девушка встрепенулась от столь неожиданного вопроса и переключила свое внимание на Швец:

– Нет, я приняла решение пока ее не водить, подождать полгодика. Нет сил смотреть, как воспитатели отрывают ее от меня или от мамы. Потому что без силы там не обойтись, добровольно Есения не идет в группу, ни в какую не хочет.

Елена Анатольевна кивнула:

– Понятно. Я свою дочь тоже в два года отдала и очень пожалела. Всё-таки детям лет до трех–четырех никто не нужен, кроме…

– «Своих» взрослых, – вместе закончили они предложение. Вера мягко улыбнулась.

– Да, поэтому я считаю, пока не время. Тем более у нас нет острой необходимости отдавать ее в ясли. Мама спокойно с ней сидит по вечерам. Есения, слава Богу, характером пошла в меня, – девушка злорадно ухмыльнулась.

Елена Анатольевна внимательно разглядывала Веру, прежде чем сказать:

– Вы знаете, я тоже развелась с первым мужем после рождения дочки. – Немного помолчав, она продолжила. – Человек изменился до неузнаваемости.

«Аналогично!»

– Мы разъехались практически сразу, но только через лет пять развелись официально.

«Я бы сдохла столько ждать…»

– Несмотря на то, что человек был максимально образованным и мудрым, в поведении и взглядах на жизнь это был абсолютный ребенок…

«Да!»

–… плюс, как сейчас говорят, абьюзер?

– Елена Анатольевна, – Вера уже не могла сдерживаться от шока.

Швец кивнула с мягкой улыбкой на губах:

– Да, Вера, всё очень похоже на Вас. Знаете, когда Вы приходили на работу уже после замужества, я стала замечать, как Вы потихоньку гаснете. Как будто взгляд менялся с каждым разом. Вот тогда я и поняла, что не так всё гладко оказалось в Вашей судьбе.

Минаева лишь пожала плечами.

– Я ни о чем не жалею. Хотела быть молодой мамочкой? Стала. Набралась жизненного опыта? Да сколько угодно. Если бы не этот… хмм, Есении бы никогда и не было. Так что спасибо ему за это. И пошел вон.

Женщины засмеялись и, придя к одинаковому выводу, вернулись к делам.

Как ни странно, случившийся разговор помог Вере всколыхнуть давно забытые чувства: уверенности, оптимизма и любви к себе. «Верочка, всё у Вас еще будет очень хорошо, просто потерпите». Эти слова грели душу. Как будто ангел спустился с небес и прошептал ей на ухо слова поддержки в момент, когда опускались руки. А после развода они у нее особо и не поднимались.

Не было недоверия к мужчинам, было абсолютное равнодушие по отношению к ним. Что прячут их улыбки и комплименты? Зачем помогают? Что ждут от тебя? Непонятно. Ну и начерта тогда ей эти головоломки?

Как–то Минаева с Лерой Коваль пошли вместе обедать. Это было не странно, но немного неловко. Девушки работали практически бок о бок уже около месяца, но так и не имели возможности сесть и поговорить, а уж тем более о чем–то помимо работы. Сидя в столовой, Вера, как известная в прошлом любознательная личность, расспрашивала коллегу. Где училась, где раньше работала, почему/что/как. Коваль, судя по всему, решила набраться терпения и с улыбкой отвечала ей. Было видно, что девушке приятно внимание со стороны Веры, ведь это верный путь к выстраиванию крепких рабочих взаимоотношений. А может, и дружбы, кто знает.

Они словно вернулись назад в школьные годы, болтая обо всем подряд, рассказывая друг другу сплетни, подобранные «случайно» от других сотрудников.

– Серьезно? Она уволилась с таким скандалом? – Вера откинулась на спинку стула и довольно потянулась, как мартовский кот. – Боже, если бы ты знала, как она меня раздражала. Сочувствую, что на твою долю выпала такая честь, как знакомство с ней.

Коваль многозначительно взглянула на нее, как будто сомневаясь, действительно ли она дурочка или так только показалось.

– Ты вообще–то проработала с ней год как минимум, так что тут вопрос по поводу кому какая честь выпала. Преклоняюсь перед твоей выдержкой, ты заслуживаешь памятник.

Вера отхлебнула спасительного кофе и немного повела плечом, отвечая совершенно серьезно:

– Когда я вставала не с той ноги, все 8 часов боролась с желанием треснуть эту женщину чем–то тяжелым. Поэтому была беспредельно счастлива, когда Елена Анатольевна заказала в читальный зал металлические стеллажи, которые раз в миллион тяжелее наших предыдущих.

Лера захихикала и метнула взгляд в сторону, к входной двери. И тут же слегка съежилась, словно пытаясь выглядеть меньше.

– Что такое?

– Да блин, Демидов меня нервирует даже издалека, – Коваль тряхнула волосами и наконец выпрямилась.

– Да Господи, покажите мне этого Демидова, – Вера теряла терпение. – Он вообще существует? Ни разу его не видела, и похоже, что Слава Богу…

– Да вон он, выходит… вышел уже.

Вера уловила лишь один силуэт из всех выходящих, который мог принадлежать «Злому Королю» (так она его мысленно обозвала и не планировала менять своего решения). Высокий, очень высокий, такое ощущение, что стоит ему чуть приподняться на мысы, сможет протереть своей черной шевелюрой (прекрасно уложенной, кстати!) потолок, за что Вера со злорадной ухмылкой сказала бы ему спасибо. Вместо того, чтобы стращать всех сотрудников, лучше бы приложил свой неприкосновенный руководительский палец к непосильному труду уборщиц.

– Так интересно, сколько про него слышу не самых приятных вещей, ни разочка не видела, но уже надеюсь, что не увижу.

С досадой кивнув, Коваль доела последний кусочек чизкейка.

– Потому что тебе везет. С документами в основном работаю я, поэтому и иметь с ним дело приходится мне и Яне Валерьевне. Только она с ним на связи через телефон, а я бегаю и приношу ему на блюдечке все необходимые документы. Чертов нарцисс. Боюсь его до усрачки.

Минаева с блаженной улыбкой положила ладонь на грудь и мечтательно пропела:

– Спасибо вам с Кольцовой за то, что бережете мою чувствительную и нежную натуру от психологических травм!

Лера скривила лицо.

– Ничего, он и до тебя доберется, поверь моему чутью.

– Упаси Бог! Я готова до конца своих дней пылиться в офисе и копаться в стопках новых книг, но лучше размозжите мою голову сразу, если я соглашусь пойти в его кабинет.

– По рукам.

Глава 3

Перед тем, как вернуться на рабочее место, Вера выскочила на улицу на перекур, едва накинув пальто. Переступая с ноги на ногу, чтобы конечности не онемели в край, она покачивалась из стороны в сторону, при этом делая поспешные затяжки. Елена Анатольевна не знала о ее вредной привычке, и Минаева не горела желанием ей это демонстрировать. Ей казалось самым страшным грехом расстраивать эту святую женщину, поэтому жвачка и водичка стали обязательным содержимым ее сумочки. Девушка остановила взгляд на небольшом уютном ресторанчике через дорогу, с интересом рассматривая пары, сидящие у окна. Все они выглядели счастливыми и… умиротворенными? Легкое чувство зависти закралось в сердце, когда девушка продолжала путешествовать взглядом по их лицам, выражающим самые различные эмоции. Эмоции, которых так не хватало ей для того, чтобы спокойно вдохнуть полной грудью и ощутить, что живешь. Не просто так, а для чего–то. Кого–то.

Когда пепел сигареты обжег пальцы, Вера очнулась и повернула голову в сторону входа. Именно в тот момент, когда широкая спина обладателя черной шевелюры, так подходящей для уборки потолков, скрылась за дверью. Вера опешила и взглянула на мусорку с пепельницей сверху, находившейся в полуметре от нее. Один окурок. Его окурок? Мальборо красные, кто бы сомневался. Супермерзкие сигареты для супермерзкого человека, да простит меня отдел кадров. Видимо, в резюме они упустили графу «личные качества», где сто процентов было автоматически вписано «несносный характер».

То есть, он стоял рядом как минимум минуты три, и Вера его не заметила? Она дура, слепая или просто везучая? Но в глубине души девушка призналась себе, что как бы она ни пыталась оттянуть момент их столкновения, любопытство часто брало верх. И сейчас она проворонила идеальный момент, чтобы наблюдать Злого Короля наяву, в метре от себя, в то же время, не привлекая внимания и не нарываясь.

Вера поежилась от пронизывающего холода и решила скорее переместиться в их по–домашнему теплый и уютный офис. Заскочив в помещение и отряхнув кеды от налипшего снега, она взлетела вверх по лестнице к турникетам и чуть не впечаталась в широкоплечую скалу. Демидов стоял около турникетов и отчитывал охранника за… да чёрт знает, за что. Минаева словно уменьшилась раза в два и поспешила ретироваться в ту же секунду, чуть не приложив пропуск к его заднице. Прошмыгнула, как мышь, и, не оборачиваясь, помчалась в гардероб. И только плюхнувшись в кресло, почувствовала себя в безопасности.

Но опасность оказалась ближе, чем она думала. Вокруг нее, как будто внутри нее и по всему офису она чувствовала этот терпкий аромат сандала и хвои. Он обволакивал девушку со всех сторон, словно обнимая, и Вера испугалась, не бредит ли она.

«Мне просто по вкусу этот одеколон. Не более. Почему столь неприятный человек пользуется настолько охренительным одеколоном? Может, подкинуть ему анонимную записку, написать, что он ему не подходит?»

Девушка посмеялась в своей голове и принялась за работу, отмахнувшись от назойливых мыслей о статном незнакомце, с которым, дай Бог везения, жизнь никогда ее не сведет. Учитывая, что каждый раз, слыша сочетание его имени и фамилии, Вера чувствует только одно: досаду. Не страх, не презрение, не ненависть, а усталость и досаду на тот факт, что именно с подобным человеком их библиотека повязана на ближайшие годы, пока Демидов остается руководителем департамента финансового менеджмента.

В любом случае, Вера ловила себя на том, что никак не проявляла инициативу браться за другие, более сложные задачи. Разбираться со стопками новых книг ей было безопаснее, поскольку все, с кем ей приходилось контактировать по этому поводу – это коллеги по офису, Пол Браун, Стивен Кови, Филип Котлер и другие первоклассные авторы. И пусть ей до конца

жизни суждено быть библиотекарем 1–ой категории, возиться в пыли, но главное: судьба обойдет ее стороной, не сталкивая с неприятными личностями в лице злыдни Демидова и остальных, обиженных жизнью «шишек» общества. Поэтому она была более чем удовлетворена своими обязанностями.

С Лерой они сработались на ура. Когда была возможность, учитывая, что они работают в разные смены, обедали вместе, и, хоть Коваль и не имела вредной привычки, как у Веры, иногда составляла ей компанию на улице.

Внешность Леры не была кричащей, но черты ее лица, пропорции привлекали окружающих. Светло – русые волосы спадали чуть ниже плеч, хотя зачастую девушка делала низкий пучок на прямой пробор, макияж использовала по минимуму, только розоватый блеск на губах был ее обязательным аксессуаром. По характеру девушка была легкой и общительной, именно поэтому с ее подачи Вера мгновенно познакомилась с парой–тройкой мужчин из IT–отдела, также выходивших на перекур. Минаевой всегда казалось, что айтишники – это абсолютно замкнутые в себе люди, чаще всего в очках, знающие все программы и языки программирования в мире. Неуклюжие, но умные. И пусть она понимала, что это дурацкий стереотип, была приятно удивлена их непринужденной манере общения и даже шуткам. Павел, невысокий светловолосый молодой человек лет 30 всё же больше остальных подходил под образ «конкретного айтишника», лишь за исключением очков. Однако стеснительность, с которой он участвовал в разговоре, умиляла. Второй, Юра, примерно того же возраста, тоже не был выше 1.70, но тут юмора было хоть отбавляй, флирта, к сожалению, тоже. И как это всё помещалось в его миниатюрной для мужчины фигурке? Вера даже сперва не поняла, к кому его шутки–подкаты были обращены больше – к ней или к Лере, но это было даже неважно. Завести новые и полезные знакомства казалось ей только на руку.

Она даже упустила тот момент, когда ее номер телефона оказался у Юры, но после его фразы «буду писать, если соберемся на перекур» девушка успокоилась. Никаких отношений на работе, табу. Точно. Ника с Сашей только ехидно посмеивались над этим ее «запретом», но Веру это не волновало: в себе она была уверена на все сто.

В начале декабря работы прибавилось едва ли не вдвое. Студенты налетели в библиотеку, как стая голодных воробьев: приближалась сессия. Вера все чаще оказывалась в читальном зале на подхвате у своих коллег, которые не справлялись с выдачей/возвратом книг. Девушка носилась между стеллажей, ворошила стопки книг, переставляла фонд, который, по–моему, она уже знала наизусть, а поток студентов всё не прекращался. Это было ужасное, утомительное время. Приходя домой, Минаева еле смывала макияж, про ужин даже речи не было, прыгала в кровать рядом с Есенией и тут же вырубалась. А на следующий день начиналась всё по новой.

Зоя Аркадьевна тяжело вздыхала с появлением каждого нового пользователя библиотеки, а после его ухода непременно ударялась в нытьё о невозможности видеть эти «наглые лица, которые тянут до последнего и не могут сдать книги заранее». Анна Фёдоровна терпеливо сносила эти жалобы, лишь слегка посмеиваясь над капризной коллегой. Вера с весельем наблюдала за препирательствами двух «старушек», мысленно благодаря их за поднятие ее настроения.

– Верочка, у нас ещё одно бронирование висит, надо срочно найти. Посмотри, пожалуйста в разделе стратегический менеджмент книгу «Эффект импульса: как выжить в „голубом океане“», автор Лареш.

– Хорошо, Анна Фёдоровна, секунду.

Вера направилась в конец читального зла, где располагались самые длинные и объемные стеллажи. Бродя вдоль ряда, она искала нужный раздел, не обращая внимания на разговоры, доносившиеся с ресепшена.

– Лареш… Лареш. Л25, двадцать пять… Да чёрт возьми, где она?!

– Мне кажется, Вы ее прошли.

Голос выбросил ее из задумчивости, и Вера резко обернулась, задев рукой металлический стеллаж. Зашипев от боли, она подняла глаза и прищурилась. Высокий (чертовски высокий) мужчина в черном костюме стоял в двух метрах от нее, демонстративно указывая на нужную книгу.

– А Вы хорошо разбираетесь в системе УДК… – смущенно пробормотала девушка, не обращая внимание на ноющую боль в правой руке.

– А Вы, похоже, не особо? – его голос стал ядовито – насмешливым, однако ни один мускул на лице не дрогнул. Минаева задохнулась от неприятного шока, но решила не злить надменного козла, потирая ушибленную руку. Мужчина поднял бровь и заметил:

– Если бы я не знал, что Вы ищете именно эту книгу, непременно пришел бы к выводу, что Вы, очевидно, студентка.

– Очевидно, не студентка, – выпалила девушка с вызовом и прикусила язык. – Я работаю в библиотеке. Скорее всего, это именно Вы бронировали книгу Лареша. Вы ее нашли. Прекрасно.

Он промолчал, вглядываясь в ее ошарашенное лицо и широко распахнутые глаза. Не переводя взгляд, молча взял нужную ему книгу. Вера была готова к взрыву, несмотря на то что выражение его лица практически не поменялось. Но девушка понимала, что ее тон был более чем неподобающим, особенно в отношении взрослого человека, преподавателя! А судя по его костюму и накрахмаленной до тошноты белой рубашке, это был как минимум профессор. Профессор с мозгами, но без манер.

Минаева нервно сглотнула. Поразительно, что она не подавилась собственной слюной под проницательным (и презрительным?) взглядом мерзопакостного мужчины, который словно врос в библиотечный ковер и даже не двигался. А что самое страшное, он только один раз за всё время отвел от нее взгляд, и то для того, чтобы убедиться, что взял верную книгу.

«Господи, дай мне терпения. Или он пострадает, клянусь».

– Александр Станиславович, Вы нашли Лареша? Вера Вам помогла?

Анна Фёдоровна появилась из-за угла, как привидение: внезапно и не слишком вовремя.

Демидов («Демидов?!») наконец отвел взгляд от сжавшегося комка около книжной полки, в который, разумеется, превратилась Вера, но лишь на пару секунд, чтобы снова посмотреть девушке в глаза, жестко и вызывающе.

– Да, Анна Фёдоровна, Вера мне помогла.

«Твою мать, мне конец».

Если бы взглядом можно было убивать, Злой Король превзошел бы всех в этом деле, потому что Вера уже почувствовала себя трупом. По ошибке живым трупом.

– Вот и отлично. Пройдемте, я оформлю на Вас издание. Спасибо, Верочка.

Демидов окинул последним взглядом жалкое существо, которое ему даже не смогло помочь, но умудрилось нахамить, и на автомате повторил, причем в его голосе не было ни капли искренности:

– Благодарю за помощь, Вера.

Сколько яда в одной фразе! Вера опустила голову, рассматривая свои ноги, словно видела их впервые. Тело было парализовано от ужаса и негодования, переполнявших ее. Теперь она убедилась в том, что все ее представления об этом человеке оправдались и прозвище «Злой Король» более чем походило ему. Мучило ее только одно: какого черта она внезапно почувствовала вину за свои дерзкие слова, которые умудрилась выпалить ему в лицо, не страшась быть приконченной на месте? И какого черта ее вообще понесло? Но в оправдание своим действиям девушка признала, что в тот момент совершенно не контролировала ни свое тело, ни свой разум. Словно в нее вселился наглый мальчишка из далекого детства, бросающий пакеты с водой на головы прохожим. Хотя, если честно, эта дерзость теперь могла печально аукнуться

ее карьере, если так в принципе можно было назвать низшую ступень, которую Вера занимала по должности.

Демидов уже несколько минут как покинул читальный зал, но Минаева так и не сдвинулась с места, будто приросла к стеллажу, откинув голову назад на книжную полку. Все ее мысли беспорядочным вихрем носились в голове, и в этом сумбуре девушка никак не могла взять себя в руки.

«Вот мы и встретились наконец, Александр Станиславович. Приятно познакомиться? Или так, на троечку? Мне всегда было интересно, а в какой момент жизни некоторые люди становятся мудаками. Может, его в детстве били? Он с лестницы падал? Или его машина сбила, и он возненавидел весь мир? А может, зря не сбила, ну, до конца…»

Вера рукой отмахнулась от мыслей, несвойственных ее, отнюдь не злой натуре и очнулась окончательно только, когда Анна Фёдоровна осторожно коснулась ее плеча. Обеспокоенный взгляд женщины прошелся по каждой черте молодого лица, и она спросила:

– Вера, всё нормально? Демидов что-то сказал тебе?

Не в силах отвечать, Вера покачала головой. Он ушел, а его запах остался. Девушка проклинала этого мужчину всеми способами за то, что эти чертовы цитрус и сандал с чем–то хвойным так её будоражили. Ее притягивал аромат, но отталкивал человек – парадокс головного мозга

– Он бывает таким, не переживай. Понимаешь, он практически один тянет на себе руководство департаментом. Прошлый его заместитель уволился, и до сих пор пока что никто не занял его место.

– Может, потому что никто не хочет работать под руководством такого козла? Люди же не самоубийцы. Хотя, знаете, я сейчас очень близка к этому.

Анна Фёдоровна слегка поджала губы. Она была по природе своей очень тактичной и мягкой, поэтому подобные высказывания не одобряла, вне зависимости от того, насколько была с ними согласна. Заметив ее скептический взгляд, Вера равнодушно, но с легким чувством вины пробормотала:

– Извините. Он выбил меня из колеи. Лучше бы выбил дурь из своей головы. – Заметив предостерегающий взгляд коллеги, Вера вздохнула. – Всё, молчу, Анна Фёдоровна, ни слова больше. Простите.

Сделав подтверждающий жест рукой вдоль губ, как будто потянула за бегунок на молнии, девушка кивнула и с опущенной головой покинула адово место первой встречи со «Злым Королем.»

Глава 4

– Блин, серьезно? То есть, он просто взял и, как полнейший придурок, тебя оскорбил? – высокий голос Ники пробился сквозь достаточно громкую музыку и достиг самой болезненной точки сердца Веры. – Кто он такой вообще? И какое имеет право так разговаривать?

Минаева потянула через трубочку крепкий коктейль сине–бирюзового цвета и гневно пожала плечами.

– Во мне пока что слишком мало алкоголя, я не могу передать все чувства, которые испытываю по отношению к этому человеку. Дайте мне пять минут.

– Мамочка пошла в отрыв, – Ника присвистнула, наблюдая, как голубая жидкость просачивается в желудок подруги. Саша хихикнула и сделала подбадривающий глоток из своего стакана. Потом резко бросила серьезный взгляд на Веру и произнесла:

– Ника права, Вер. Кто бы он ни был, ты должна была послать его ко всем чертям прямо там, среди книжных полок. И желательно было бы запульнуть в него какой–нибудь умной книгой, чтобы у него мозги встали на место.

– «А Вы, похоже, не особо разбираетесь в системе УДК», – мерзким тоненьким голоском пропищала Минаева, передразнивая Демидова, и выплюнула: – Фу, чертов говнюк. Неудивительно, что он пашет за двоих в своем тухлом офисе. Я бы скорее согласилась охранником на кладбище пойти, чем в его помощники.

Подруги синхронно закивали.

– Точно. Сколько ему лет? Может, его жизнь помотала, вот у него на старости фляга и свистит?

Вера призадумалась над вопросом на секунду, но тут же поморщилась:

– Да нет, вряд ли. Может, лет 40–45. А я вот думаю, ему жена не дает за его мерзкий характер!

Ника поднесла ко рту картошку фри и уточнила:

– Почему–то я сомневаюсь, что он вообще может быт женат. Кольцо есть?

И опять вопрос поставил Минаеву в тупик.

– Не знаю, девочки, я не обращала внимание. Да и с чего бы.

– А вообще, человек не может ни с того ни с сего превратиться в мудака, – с видом знатока заключила Саша. – Значит, в его жизни что-то либо произошло, либо происходит…

– Или, наоборот, нихрена не происходит, вот он и сходит с ума, – захохотали другие две.

– Я серьезно. – Саша не повелась и продолжила. – Это же общеизвестный факт, что все происшествия в нашей жизни имеют последствия, иногда выливаются в негативный аспект. Ладно, всё, с вами невозможно серьезно разговаривать.

Она прикончила свой напиток и махнула рукой официанту с просьбой повторить.

Ника с Верой продолжали хохотать, как полоумные.

– Бедненький Александр Станиславович, корпит над своими бумагами, как Кощей над златом, приходит домой, а приласкать некому.

– У таких людей обязательно есть дома мини–бар с паршивыми крепкими напитками. Бар есть – стресса нет. Всё просто.

– А ты откуда знаешь, что у таких людей дома? – встряла Саша и многозначительно подняла бровь.

Вера небрежно отмахнулась:

– В фильмах видела. Такой тип людей всегда оказывается либо в дураках, либо в могиле. Знаешь, когда злодеев наказывают? Вот, это оно.

Девочки посмеялись и чокнулись за «да–пошли–нахрен–все–эти–мужики.»

– Девочки, а у вас–то что нового? А то мы всё о моих проблемах, – в ход пошел третий бокал.

Ника пожала плечами:

– Да задолбали эти мелкие, если честно. В основном, отбитые на всю голову. Причем их родители чаще всего абсолютно такие же.

Саша чокнулась с ней и подтвердила:

– Вот–вот, салют, подружка, поддерживаю. Только у меня пациенты, но про родственников плюсую.

Ника с досадой поджала губы и продолжила:

– А мне ещё и классное руководство хотят дать, а в этом классе Ваня Никитин, я вам о нем рассказывала. Ребенок из преисподней, никак иначе. Вот я и думаю, что раньше произойдет: он вернётся в свой котел или я займу его место за убийство. Сил больше нет…

Подружки сочувственно улыбнулись, переглянувшись, и Вера вздохнула:

– У меня такой же вопрос… – поймав вопросительный взгляд «горе–учительницы», поспешила добавить: – Ай ладно, проехали.

Домой Минаева пришла чуть позже 12. Ольга Андреевна и Есения сладко спали в Вериной комнате. Девушка несколько минут стояла, слушая тихое посапывание дочки, и чувствовала, как внутри постепенно разливается тепло.

«Вот оно, что до сих пор заставляет держаться меня на плаву. Семья. Если бы не они, быть мне сейчас в какой–нибудь психбольнице в белой рубашке и жрать таблетки. Развод никому не даётся легко, но почему мне кажется, словно это сломало меня сильнее, чем я ожидала? Ощущение, как будто у меня вырвали сердце, и только мама с Есенией каждый день напоминают, что оно у меня ещё осталось. Чертов Андрей. Надеюсь, у него всё будет хорошо, но желательно, подальше от нас».

Андрей приезжал к дочке раз в месяц–два, и поистине это были самые неприятные дни для Веры. Она ждала их с ужасом и вспоминала с отвращением, благодаря Бога, что впереди как минимум месяц, чтобы прийти в себя. Он не делал ничего противозаконного, но осадок в душе оставался надолго. Одна его рандомная фраза – и все летело к чертям: спокойствие, которое девушке давалось с огромным трудом, умиротворение, кровью и потом зарабатываемое неделями, и наконец просто осознание своей значимости в жизни Есении, потому что бывший муж никогда не упускал момент, чтобы напомнить Вере о ее жалких попытках быть хорошей мамой. Терпение, только терпение – изо дня в день повторяла себе Минаева, готовясь к встречам и продолжала говорить то же самое после его ухода, но уже со слезами на глазах. Она ненавидела себя за эту слабость, несмотря на то что никому и никогда старалась не позволять видеть ее, за исключением своей мамы. Подруги знали о ее переживаниях только на словах, не считая пары–тройки раз, когда уже не было сил сдерживаться, а Есения видела свою маму красивой и счастливой.

Понедельник пришел внезапно, и вот уже Вера мчится в своих новых ботинках с антискользящей подошвой, которая почему–то нихрена не спасает, потому что ноги все так же продолжают разъезжаться, как поссорившаяся парочка. Слава Богу, кофейня. Девушка еле–еле заползла по ледяной лестнице и, распахнув дверь, рванула к кассе. Бариста в этот момент выполнял свои акробатические трюки для посетителя, и, судя по пафосным движениям, это должен был быть как минимум правая рука президента. Ладно, придется подождать, хотя время конкретно поджимало. Наконец, внимание бармена Дмитрия переключилось на Веру, после того, как «правая рука президента» оплатила свой заказ самыми обычными наличными, и девушка выпалила на одном дыхании, которое сбилось уже при выходе из дома:

– Капучино без сахара с лавандовым сиропом и погорячее, пожалуйста. О Боже, можно без погорячее и без лавандового сиропа, у меня осталось примерно ноль минут, чтобы добраться до офиса.

Дмитрий усмехнулся и принялся за приготовление. Обычно он любил поболтать во время процесса, но сейчас каким–то чудным образом пришел к выводу, что не время. Поэтому Вера осталась ему адски благодарна за молчание и быстрые действия. Схватив заветный стакан и наплевав на трубочку, которую каждый раз отдельно просила (ну неужели так сложно запомнить?), она выскочила с поразительной скоростью (как когда–то выскочила замуж) и понеслась на своих коньках к зданию университета.

Наспех скинув пальто в гардеробе, взлетела по лестнице и чуть не врезалась в открывшуюся дверь.

Твою мать.

Мало того, что выглядела она сейчас, как марафонец, так ещё и опоздала. Зато с кофе, молодец, девочка, так держать!

Демидов стоял на входе в кабинет и, похоже, собирался уходить, на что Вера в глубине души уповала. Не забыв элементарные правила приличия, она слегка потянула носом воздух, чтобы… чтобы подышать кислородом, и пробормотала:

– Д–добрый день, З… Александр Станиславович.

Мужчина на пару секунд превратился в некое подобие безмолвной статуи, за это время успев просканировать Веру от и до, чем ещё сильнее ее разозлил, коротко кивнул и направился прочь, не забыв бросить по ходу:

– Ну и дисциплина.

Поздоровавшись с коллегами, Вера аккуратно положила сумку на тумбочку, ещё аккуратнее поставила стакан с кофе на стол и спросила:

– Опять не в духе? В раю без изменений?

Елена Анатольевна подбадривающе коснулась плеча девушки, но по слегка поджатым губам было очевидно ее напряжение.

– Верочка, иногда легче и полезнее для здоровья не обращать внимание на некоторые вещи.

– …и некоторых людей, – проворчала жертва морального насилия и уселась за компьютер. Хлебнула кофе и открыла почту.

Поскольку она не была бесценным сотрудником, на ее почте было лишь полдесятка писем, и те ни о чем. Девушка лениво пробежалась по их содержанию и принялась за свое обычное задание. Новых книг в библиотеке должно прибавиться не меньше сотни, и каждое наименование требовало особого внимания и сил. Ну и как минимум дней пять работы.

Телефон проснулся с лёгкой вибрацией, и на экране высветилось уведомление из чата трёх подружек, который назывался «тройничок». Никаких подтекстов, только шутка, правда.

Вера открыла сообщение, оно было от Ники: «Минаева, как обстановочка? Я вот тут загибаюсь и, кажется, опять ненавижу мужиков, даже которым 13 лет.»

Тихонько хихикнув себе под нос, Вера быстро кинула ответ: «Я тоже их ненавижу, но одно лицо особенно.» Отложив телефон, вернулась к заданию, не обращая внимание на разговоры в офисе, потому что быть полностью поглощенной процессом стало ее фишкой.

– Вот ещё один акт, его нужно подписать. Вера, Лера? Кто меньше занят?

Девушки переглянулись, и будет откровенной ложью сказать, что хоть у одной были желание или готовность. Коваль остановила проницательный взгляд на Минаевой, и ей хватило одной секунды, чтобы опередить коллегу:

– Яна Валерьевна, я схожу.

– Благодарю, Лера.

«Благодарю, Лера», – мысленно повторила Минаева, чувствуя, как только что подкатившая тошнота постепенно отпускает. Взглянув вслед своей спасительнице, ей оставалось только держать кулачки и молиться, потому что терять такого ценного сотрудника им было некстати.

Глава 5

Вера вяло возила вилкой по тарелке, мало уделяя внимание тому, что она ест. Все мысли витали неизвестно где, но неизменно возвращались к Демидову. Какого черта, никто не знал. Ни Вера, ни Саша, ни даже Ника. А так как подруги были на связи, девушке приходилось оправдываться: «Я ещё к работе приступить не успела, а он уже как будто выпотрошил меня, морально, конечно же. И мне жаль, что я снова не смогла сказать ему в лицо, чтоб он засунул свою голову в задницу и никогда оттуда не вылезал.»

Саша: «Если не скажешь ему этого ты, я сама лично приеду и перережу его голосовые связки.»

Вера: «И сердце вырежи. Хотя вряд ли ты его там найдешь.»

Ника: «Ахахахх, девочки, я умиляюсь вам.»

Вера: «А я нет.»

Саша: «Никуш, поверь мне, тебе это тоже предстоит. Привет Никитину!»

Ника: «Идите нахрен, девочки.»

На улице к Вере, как обычно, подкатили айтишники, окружили шутками и заставили улыбнуться. Павел неловко предложил ей сигарету, наблюдая, как девушка с раздражением рылась в сумке в поисках пачки «утешительного дымка.» Юра же оказался более наблюдательным, потому не преминул заметить:

– Что-то случилось? Тебе в столовой отравили еду?

Минаева наконец зажгла сигарету и, сделав долгую затяжку, хрипло исправила:

– Жизнь. Мне слегка отравляют жизнь.

– И кто такой смелый?

– Да есть тут одна личность, но пускай это останется в тайне. Я же не собираюсь нюни пускать.

Мужчины переглянулись, и Павел с подачи коллеги слегка заикающимся тоном начал:

– Ну ты, если что… ну…

– Да, говори нам! – Юра, видимо, боялся увидеть на своей голове седые волосы, ожидая, пока Паша закончит предложение.

– О, джентльмены.

Все засмеялись. День был не особо ветреным, поэтому Вера практически сразу почувствовала нежелательное вторжение в ее личное пространство. Снова этот запах и совсем близко. Спиной или горящей пятой точкой она поняла, что Демидов стоит за спиной. Ее больная фантазия набросала картину, где он прижигает своим бычком ее воспаленный мозг, и разумеется, противиться этой абсурдной фобии не осталось сил. Девушка резко обернулась и наткнулась на почти сверлящий темный взгляд. Брови были сведены к переносице, пока Демидов продолжал буравить несчастную девушку взглядом. Омрачающее чувство заполнило все ее нутро, но отвести глаз она не могла, словно стояла напротив заклятого врага посреди поля боя. А может, так оно и было. Почти интеллигентным движением руки он поднес сигарету к губам, едва раздвинув их, чтобы захватить фильтр. Его длинные пальцы не смогли закрыть ровные белые зубы, и Вера уже хотела мысленно уличить его в установке виниров, но вовремя поняла, что это, чёрт возьми, ее не касается. Вера на автомате тронула свои губы, но тут же другой рукой поднесла к ним сигарету, естественно, слегка промахнувшись, и уже хотела вернуть свое внимание к собеседникам, но была остановлена низким, хрипловатым от курения голосом.

– Вера, заберите подписанный акт. Он в моем кабинете.

Девушка откашлялась и просипела:

– С–сейчас?..

«Дура! Вы же стоите курите!»

– Ну, то есть…

Демидову хотелось, наверное, посмотреть, как нелепая мамочка выберется из ситуации, но он перебил:

– После того, как я вернусь в офис.

– Хорошо.

Чуть раньше собрать яйца в кулак не получилось, но хотя бы последняя фраза прозвучала более–менее твердо. Не хватало еще растечься лужей у его ног.

Даже не заходя в офис библиотеки, Минаева сразу направилась в преисподнюю. Как будто преследовала цель как можно скорее разделаться с неожиданным приказом Демидова. А это был именно приказ, судя по высокомерному тону Короля. Снова третий этаж, знакомый коридор. Первая дверь, вторая… Вот он, треклятый кабинет.

«Постучаться или открыть с ноги и разнести там всё в пух и прах, включая владельца? Ладно, не сегодня».

Пульс участился, когда девушка сделала два скромных удара в дверь. Настолько скромных, что сама едва их услышала. Сделала еще один, погромче, проклиная свой страх.

– Входите уже, сколько можно стучаться.

Дверь скрипнула практически неслышно, но звук резанул слух.

«Надо же, начальник, а дверные петли попросить смазать мозгов не хватает».

«Или времени», – добавил внутренний голос разума.

Демидов сидел за компьютером, в очках и без пиджака. Черные блестящие волосы были небрежно взъерошены, но, о мой Бог, как это красиво и эстетично смотрелось. Белая рубашка плотно облегала тело, не оставляя ни единого шанса фантазии. Вера, как дурочка, топталась на месте, не зная, куда себя деть, потому что мужчина ни разу не взглянул на нее с момента прихода.

– Подождите секунду, пожалуйста.

Выдавив из себя какой–то звук, очевидно, выражающий согласие, Вера хотела осмотреться, но вместо этого снова погрузилась в свои мысли. Он сказал «пожалуйста»? Это было странно и…приятно? Теперь она не злилась на «бескультурное животное», а согласна была ждать, сколько угодно, если это сколько угодно не включало в себя разговор с ним. А разговаривать он и не собирался. Бросил мимолетный взгляд на выражение лица девушки и снова перевел глаза на монитор, начав печатать с впечатляющей скоростью. Вера слегка облокотилась о дверь, не отводя глаз от длинных пальцев, порхающих над клавиатурой. Левая щиколотка внезапно подала тревожный сигнал чесотки, и девушка почувствовала, как глаза заслезились от невозможности терпеть пытку. Она решила аккуратно и максимально незаметно мыском правого кроссовка пройтись по ноющему месту, чтобы угомонить чесотку, но не учла одного. Справа от нее стояла вешалка, которую девушка заметила слишком поздно, и грациозно прошлась кроссовком прямо по ее подножке. В мертвой тишине раздался звук, как будто разверзлись небеса. Паническая атака была очень близко, придя вместе с пóтом и предобморочным состоянием. Мужчина оторвался от монитора и внимательно посмотрел на девушку. Его изучающий взгляд лишь приблизил обморок, но ноги почему–то до сих пор держали Веру вертикально. Он закатил глаза и слегка покачал головой, уставившись обратно в экран.

Минаева, вероятно, искала отверстие в полу, чтобы провалиться как можно быстрее, потому что не отводила глаз от начищенного до блеска паркета, стараясь не дышать лишний раз.

Демидов поднял левую руку и слегка потер наморщенный лоб. Легким движением отбросил упавшую на глаза прядь, поднял взгляд на растерянную девушку и снял очки. Оба молчали, смотря друг другу в глаза, но никто не произнес ни слова. Он словно впервые видел Веру перед собой, наслаждаясь каждой секундой ее мучений. А она мучилась от непонимания и ожидания. Что всё это значит, почему он так смотрит на нее?

– Итак, – в гробовой тишине кабинета наконец прозвучал вопрос, и, слава Богу, это был не ее голос.

– Акт.

Всё, что смогла выдавить смущенная Вера.

– Акт, да, – подтвердил мужчина и перевел взгляд на шкаф. – Прошу прощения, сейчас его найду.

Второй раз за день она оказалась в шоке. Откуда взялся этот вежливый человек, и куда подевался предыдущий ядовитый тон? Словно перед ней сейчас оказался совершенно другой мужчина, который не боялся любезных слов в адрес собеседника.

Демидов подошел к шкафу и потянулся к полке на уровне его груди. Рубашка натянулась, облепив его мышцы, и так как Вера всё же была девушкой, одинокой девушкой, она могла себе позволить впиться взглядом в его фигуру. В глубине души она успела попросить небеса, чтобы файл нашелся не раньше, чем она сможет вдоволь насладиться развернувшейся перед ней картиной. Слегка наклонив голову и будучи уверенной, что ее молитвы были услышаны, она блуждала взглядом по крепким рукам и идеально сидящим брюкам, естественно, стараясь не переходить границы приличия. Но небо решило по–другому, потому что спустя несколько секунд Демидов уже стоял перед ней с протянутой рукой. Минаева резко выдохнула и дрожащими пальцами взяла документ. Их взгляды пересеклись на мгновение, так как девушка чувствовала, что ей просто необходимо поскорее убраться отсюда.

– Вера Олеговна, отнесите уже файл Яне Валерьевне. У меня много работы.

Этой фразой мужчина обрубил всё очарование, которому Вера так глупо поддалась. Она поджала губы, пробормотала что-то наподобие «Спасибо, Александр Станиславович» и вышла из кабинета, хлопнув дверью, к сожалению, не изо всех сил. Приличие, всё–таки.

– Яна Валерьевна, вот акт.

Женщина удивленно взглянула на девушку и поинтересовалась:

– Вы уже забрали его? Я хотела Леру только что отправить.

Вымученно улыбнувшись, Вера пожала плечами:

– Демидов поймал меня в коридоре, сказал зайти. Как же можно ему отказать.

– Это точно, – ответ заставила Веру подумать о двусмысленности фразы, но, если честно, у нее не осталось сил ни на какой анализ, тем более, чужих слов.

Елена Анатольевна внезапно посмотрела на коллег и спросила:

– Вам приходила рассылка о Новогоднем корпоративе?

Кольцова тут же ожила, словно в ней открылось второе дыхание.

– Да, Елена Анатольевна, по–моему, это чудесная идея! В прошлом году мне не очень понравилось, но думаю, сейчас всё будет по–другому.

Коваль согласно закивала:

– Тоже так думаю, нам точно не хватает ощущения праздника. Особенно тем, кто работает 30 числа.

– А кто работает 30? – Швец открыла на компьютере папку с документами, что посмотреть, но Вера решила спасти ее от лишних действий.

– Я, Елена Анатольевна.

Минаева хотела спастись от сочувствующих взглядов и слов, но это желание изначально было обречено на провал.

– Верочка, надеюсь, Вы не сильно расстроены. Но, с другой стороны, вечером отдохнете и развеетесь на корпоративе.

– А обязательно приходить? – с надеждой поинтересовалась Вера, случайно включив щенячий взгляд.

Швец внимательно просканировала выражение ее лица и мягко ответила:

– Конечно, Вы не обязаны, но я уверена, что это может пойти Вам на пользу. Тем более там будут только свои, коллеги из нашего филиала. Никакой массовки. Так что милости просим, Верочка.

А с другой стороны, почему бы и нет? Если мама согласится ее отпустить, учитывая, что это будет первый корпоратив в ее жизни, отличный шанс для Веры пообщаться с приятными людьми.

– Я попробую, Елена Анатольевна, – улыбнулась Минаева. – Если не вырублюсь в читальном зале ещё до наступления празднества.

– Я сокращу этот рабочий день на два часа, поэтому в 19:00 Вы будете предоставлены сами себе. Сможете подготовиться, о помещении я тоже договорюсь.

– Спасибо…

Выхода не было, надо идти.

Глава 6

Вечером, купая Есению в ванной, Вера сообщила маме о предстоящем празднике.

– Вот и отлично, сходи, конечно. Или ты ещё не решила? Я тебя отпускаю со спокойной душой, в этом не сомневайся.

Ольга Андреевна приобняла дочь и положила голову ей на плечо.

– Спасибо, мам. Думаю, что надо идти, потому что Елена Анатольевна слишком подсуетилась, чтобы у меня была возможность хорошенько подготовиться между работой и праздником. Неловко будет сливаться после стольких хлопот.

Но здесь Вера слегка слукавила. Она и сама уже настроилась на этот вечер, поскольку в списке ее желаний около графы «корпоратив» галочка пока не стояла. К тому же Лера Коваль отчаянно ждала этот день, и Вера, быстро смекнув, что к чему, поняла, что брошенной там не останется.

Привести свой любимый гарем в лице подруг Минаева не могла по правилам организации, хотя, если быть до конца откровенной, не сильно расстроилась. Потому что когда эти три безбашенные собирались в одном помещении, где есть алкоголь и музыка, окружающие узнавали о десятом круге ада, который почему–то так и не описал Данте Алигьери.

Ольга Андреевна с нежностью взглянула на плескающуюся внучку:

– Не переживай, мы с Есенькой отлично проведем время.

– И без меня, – закончила со смехом Вера.

– Ма–ма, мам, – подытожило белокурое существо, послав десятки брызг своим любимым взрослым.

Ника: «Счастливая, на корпоратив пойдет, тусоваться там будет. Почему у нас в гимназии не устраивают подобное? Предложить, как думаете?»

Саша: «Конечно, предложи. Потом вместе тебе новую работу поищем.»

Вера: «Как бы ты мне подобного не накаркала.»

Саша: «А ты не пей, и всё будет зае…сь»

Вера: «А в смысле? Как они там без меня справятся?»

Ника: «Ха–ха–ха, девочки, походу, я знаю, кому мы будем работу новую искать.»

Вера: «Тебе, не зли меня.»

– Ты решила уже, в чем пойдешь? – спросила Коваль с полунабитым ртом.

Минаева чуть не обожгла язык горячим кофе. «Кстати, это уже третья кружка за день, надеюсь, сердце откажет ещё до наступления корпоратива, иначе Лера проест плешь в моем мозгу с этими приготовлениями».

– Не знаю. Очень хотелось бы пойти в джинсах, но вряд ли Швец это оценит.

Лера хихикнула:

– Выгонит тебя к чертовой матери, чтоб не позорила сектор библиотеки.

– Вот–вот, поэтому однозначно платье. А вот какое – хрен знает. Вариантов особо нет. В некоторые могу не влезть, – вздохнула девушка, похлопав себя по едва заметному животу.

– Ой, да брось, – Лера отмахнулась, как от назойливой мухи. – Ты отлично выглядишь, учитывая, что уже умудрилась родить. Я вот думаю, что надену красное платье без бретелек с пышной юбкой. Правда, оно коротковато немного, а мужчин преклонного возраста у нас достаточно…

– Буду отбивать тебя всеми силами! – с усмешкой поклялась Минаева, помахав кулаком по сторонам и чуть не столкнув кружку с кофе.

– Уж постарайся, пожалуйста, и следи, чтобы я не напилась, – с серьезным видом добавила Лера.

Минаева наклонилась над столом навстречу девушке и заговорщически прошептала:

– Ты за мной тоже.

Декабрь летел незаметно. Работа кипела, как кровь в молодых жилах. Каждый новый день начинался с разгребания долгов за предыдущий. Никто ничего не успевал, поэтому, когда вечерами Вера оставалась одна в офисе, она всё чаще думала о том, чтобы закрыться на ключ и прорыдаться как следует. Но заглушающим заклятием в их мире никто не пользовался, и девушке приходилось справляться со своими эмоциями и обязанностями, как спокойный уравновешенный человек. Временами начинало казаться, что сил не остаётся. Дух бодрости в ней поддерживали лишь кофе и айтишники, с которыми они всегда теперь были на связи и при любой удобной возможности выходили вместе на улицу. Эти два милых мужичка до слез смешили Веру, словно чувствуя, что именно это ей было больше всего необходимо, чтобы не свихнуться окончательно.

А по ощущениям, сумасшествие было где-то рядом. Вера, будучи на самой низкой из всех нижайших должностей, пахала, как лошадь, каждое утро обещая самой себе прекратить тратить столько сил, и каждый вечер понимая, что снова солгала.

Пару раз она практически засыпала на рабочем месте. Благо к тому времени никого в офисе не оставалось, но и работы меньше не становилось. Девушке казалось несправедливым, что ей дают одни из самых муторных и трудоемких заданий, но она успокаивала себя тем, что после двух лет «бездельничества» в декрете ей просто тяжело вернуться обратно во взрослую жизнь. И в целом, если отмести все эти минусы, от своей работы Вера искренне кайфовала.

В один из вечеров она сидела в офисе, разбирая документы по закупкам (ее всё-таки насильно приобщили к общему делу, как она ни брыкалась), в голове крутились мысли о предстоящем празднике. Платье, прическа, макияж – всё это волновало ее в меньшей степени. Как вести себя с людьми и грамотно взаимодействовать в интеллигентном обществе – вот что ее страшило. С алкоголем она сразу поставила себе условие – один бокал, не больше. И не такой бокал, которые продаются в магазине с этикеткой «ваза». Так что на этот счёт переживаний не было. Каждую секунду, когда на девушку накатывало лёгкое волнение (осталось всего три дня!), она подбадривала себя тем, что на празднике будут Лера, Юра и Паша. О большей поддержке (моральной, разумеется) она и мечтать не могла.

Двадцать девятого числа вечером Вера разворотила весь свой гардероб, пытаясь найти хоть одно платье, похожее на то, во что она может не просто влезть, но и выглядеть в нем не как лохушка. Как в сценах из каждого третьего фильма платья летели на кровать, одно за другим. Синее короткое, чёрное монашеское, белое просвечивает, жёлтое – «я что, цыпленок?»

Выбор закончился, но остался один-единственный вариант, который тут же послушно лег на гладильную доску под утюг.

Утром тридцатого числа Вера пришла на работу без кофе, зато с кучей сумок и перекинутым через руку платьем, скрытым под чехлом. Повесив вещи в шкаф, девушка мысленно поклялась: «Дабы дожить до сегодняшнего вечера, торжественно обещаю не лезть из кожи вон и выполнять все задания на… да просто забить на половину из них.»

Так и получилось. В первой половине дня она спустилась в читальный зал, походила по рядам, восстанавливая порядок расстановки книг, помогла нескольким назойливым студентам с поиском в электронной базе, приняла десятки поздравлений «с наступающим» и к моменту, когда ее коллеги разошлись по домам, чтобы подготовиться к празднику, призналась, что адски устала. Первым желанием было ровно в 19:00 одеться и уйти домой. Но как только она поделилась этим с «тройничком», девочки взбунтовались.

Ника: «Ты с ума сошла? Ну-ка быстро пошла в компьютерный класс и начала готовиться!»

Саша: «Вер, ну это действительно несерьёзно. Твоя Швец обо всем позаботилась, а ты хочешь слиться?»

Ника: «Твоя любимая Лера тебя будет ждать».

Вера: «Давайте только без ревности. Лера классная, я вас познакомлю как–нибудь. И вообще, имейте уважение, она сегодня будет спасать мою одинокую задницу».

Саша: «У нас просто нет такой возможности, так что не надо тут».

Вера: «Touché».

Ника: «Хватит писать эти свои заумные словечки. Иди готовься».

Саша: «И сфоткайся».

Глава 7

Вера стояла перед зеркалом в туалете, нанеся последние штрихи в макияже. Сделав шаг назад, оценивающе оглядела получившийся образ. Платье – комбинация шоколадного цвета струилось по фигуре, не прилегая к телу, две передние пряди были убраны назад и держались с помощью небольшой заколки с крошечными камушками. Макияж был неброским, но выразительным, в тех же шоколадных оттенках, на губы девушка нанесла светло–коричневую матовую помаду с теплым подтоном. В целом, образ получился простым, но элегантным.

Осталась одна проблема: найти актовый зал. И с этим придется повозиться.

Вера взяла клатч, в который влезли только телефон, помада и пара салфеток на всякий случай (хотя она надеялась, что ей не придется сегодня плакать) и вышла в коридор.

Единственное, что девушка знала: актовый зал находился в 3 корпусе, а это означало, что ей надо подняться на третий этаж, чтобы перейти по внутреннему коридору, соединяющему два корпуса. Босоножки на каблуках уже начинали давить на все чувствительные места, словно напоминая, что «хочешь быть красивой – пройди через адскую боль».

Идя по коридору с максимальной осторожностью, Вера не смогла предугадать одного: что она едва ли не будет сбита Злым Королем. Он вынырнул из своего кабинета, как акула, и Вера не удивилась бы, если б он по–хищному щёлкнул челюстями в этот момент. Чтобы не потерять равновесие от неожиданности, девушка схватилась за стену и остановилась, как вкопанная. Демидов замер на пороге, тяжёлым взглядом окинув образ девушки. Брови снова сошлись на переносице, когда он поправил галстук и одернул свой пиджак.

«Педант», – злобно подумала Вера и, решив не искушать судьбу, развернулась на каблуках и пошла дальше по коридору. Но, черт возьми, как роскошно выглядел этот мужчина в своем… обычном костюме? Да, именно так.

Отбросив непослушные пряди за спину, она поспешила к коридору, одновременно надеясь, что Демидов вернётся за чем-нибудь в свой кабинет и его там поглотит рабочая рутина.

Зайдя в лифт, девушка зацепилась взглядом за зеркало и ещё раз просканировала свой образ. Ничего лишнего, идеально. Только на щеках проступил подозрительный румянец, но Вера заверила себя в том, что это от подъема по лестнице.

Тихий звон известил о прибытии на нужный этаж.

Десяток аудиторий пройден, значит, актовый зал где-то рядом. Из-за угла послышались мягкие звуки музыки, и девушка уверенным шагом направилась туда, последний раз тронув руками уже ставшие непослушными пряди волос.

Немного помявшись на пороге и попытавшись восстановить дыхание, Вера взялась за ручку двери. И внезапно дотронулась до чужих холодных пальцев. Взмахнув ресницами, она чуть не впечаталась лбом в подбородок Демидова. Он стоял совсем близко и, кажется, терял терпение от ее нерешительности. Долгий взгляд, вздох и вопрос:

– Вера Олеговна, Вы собираетесь заходить?

Девушка хотела отскочить от входа, желательно как можно дальше и быстрее, но распахнутая перед ее носом дверь и приглашающий жест рукой не оставили ей выбора. Подняв подбородок вверх (шейные позвонки, однако, не сказали «спасибо»), Вера перевела надменный взгляд на «джентльмена» и без единого слова благодарности вплыла в зал.

Боже, она даже не знала, что в здании университета можно организовать подобную красоту. Весь зал был украшен новогодними украшениями: венками, мишурой, стеклянными игрушками. Повсюду висели разноцветные огоньки, а в углу стояла роскошная зелёная красавица. Ее пышные ветви склонялись книзу под тяжестью новогодних игрушек, а наверху, по классике, зияла звезда неимоверных размеров. Задохнувшись от восторга, Минаева перевела взгляд на сотрудников. Все были разодеты в яркие и элегантные наряды. Женщины решили

пуститься во все тяжкие, поэтому то тут, то там мелькали накрашенные красным губы и глубокие декольте. Девушка сперва почувствовала себя замарашкой, но потом порадовалась, что хотя бы её наряд на станет поводом для увольнения. И на этом спасибо. С удивительной лёгкостью отыскав в толпе Леру, коллега прямиком направилась к ней. Как Коваль и говорила, на ней было красное пышное платье, достаточно игриво оголяющее ее немного угловатые плечики, светлые волосы мягкими волнами спускались по спине, а на шее красовалось весьма увесистое ожерелье с белыми камнями.

– Вера-а, – протянула Коваль, – потрясающе выглядишь!

– Взаимненько, коллега, – подшутила Вера, заметив в руке у девушки бокал с шампанским. Видимо, процесс уже пошел, судя по расплывшейся в улыбке девушке.

– Будешь? – откуда-то появился второй, очевидно, предназначавшийся Вере, но та отрицательно покачала головой.

– Не стоит, иначе «позором сектора» стану я.

– Правильно, сегодня это моя прерогатива. Как хочешь.

Через несколько минут к девушкам присоединились остальные библиотекари. У Веры возникло четкое ощущение, что она на светском мероприятии. Каждый был с бокалом, разговаривал о моде/погоде. Музыка тянулась по залу тонкими волнами, обволакивая гостей новогодней атмосферой. Представительные мужчины обхаживали наряженных женщин, обязательным атрибутом в их руках были наполненные до краев бокалы с шампанским. Но Вера не сдавалась, упрямо настроившись на отсутствие алкоголя в ее организме этим вечером.

Через какое-то время девушка уже стояла в окружении ребят из IT–отдела, которые остались преданны своим словам и не собирались оставлять девушку наедине с самой собой.

– Если бы для мужчин был отдельный стол с бокалами виски, я был бы не против, – Юра с лёгкой гримасой отпил глоток шампанского. – Неужели кто-то думает, что этот напиток божественен? Попробуйте убедить меня в этом, но у вас ничего не получится.

– Никому не нужны здесь пьяные тела в красивых костюмах, это позорит честь университета. – Вера толкнула его локтем и облокотилась другим о стол. Ноги начинали ныть от усиливающейся боли из-за каблуков, но, как говорится, «нравится, не нравится – терпи, моя красавица».

– Тут все свои, никто не станет выносить сор из избы, дабы не «позорить честь университета», как ты правильно заметила.

Паша нервно оглядывался, как будто ожидая слежки, но едва ли кто–то замечал, как он постепенно уничтожал свой напиток.

– Ребята! – Коваль подлетела к компании, как ракета, обняв Веру и Пашу за плечи. – Сплетничаете? Еда отпад, правда?

Минаева закатила глаза.

– Коваль, ты пришла за едой или весельем? Хотя знаешь, судя по твоему настроению и количеству выпитого, за вторым. Кушай, кушай.

С тихим смешком девушка наблюдала, как коллега подчищала стоящую перед ними тарелку с фруктами.

– Совмещаю, дорогая моя.

Вера подавила рвущийся наружу вздох, потому что, к сожалению, девушка не чувствовала особого приятного волнения от нахождения на этом «празднике жизни». И почему ей казалось, что идти сюда хорошая идея? Даже выпить спокойно нет возможности. Ну хотя бы еда действительно «отпад».

Подняв взгляд на мельтешащую толпу, Минаева оторопела. С другого конца зала за ней наблюдали темные непроницаемые глаза, еле видимые из–под нахмуренных бровей. Словно не считая себя пойманным, Демидов чуть наклонил голову и равнодушно перевел взгляд в сторону. Вера внезапно почувствовала необъяснимое волнение.

– Мне срочно нужно выпить. Где бокал?

Как слепая, она пошарила рукой по столу, но, спасибо галантному Юрию, долго искать не пришлось. Он всунул в ее дрожащие пальцы бокал и с удовлетворением наблюдал, как она большими глотками иссушила его практически полностью.

– Воу–воу, Минаева! Что-то случилось, или тебе стало скучно, поэтому здравый смысл победил? – Коваль чокнулась с ней.

– Ничего не случилось. Не хочу быть белой вороной.

Вера зачем–то метнула короткий взгляд в сторону своего недавнего наблюдателя и снова увидела его черные глаза, направленные прямо на нее. Он что, поставил на сегодняшний вечер цель добить ее?

Абсолютно наплевав на ранее придуманные табу, Вера взяла второй бокал и точно так же опустошила его наполовину. Их взгляды снова пересеклись, и тут Минаева решила пойти до конца. Не разрывая зрительный контакт, она медленно поднесла стеклянный бокал к губам, влила в себя остатки пузырящейся жидкости и со звоном опустила прозрачную емкость обратно на стол.

Демидова нисколько не смутила дешевая актерская игра сотрудницы, поэтому он со скучающим видом отсалютовал ей своим бокалом и кивком головы закончил переглядки.

А в этот момент Вера потихоньку начала осознавать, что совершила ошибку. Приятное тепло разлилось по телу, кисловатый привкус на языке никак не хотел исчезать, а ноги проявили протест в виде возрождающейся боли.

– Боже. Это было мне необходимо, но и это было много, – простонала незадачливая девушка.

– Всё хорошо, не переживай! Сейчас начнутся танцы, и всё выветрится в два счета, – Коваль подбадривающе похлопала подругу по плечу и протянула бокальчик. – За нас? Финальную?

Вера уставилась на нее с видом «еще одно слово, и ты труп».

– С ума сошла? Хочешь, чтобы я осталась ночевать под елкой?

– Один глоток, и мы завершаем сегодняшнюю миссию. Слово Коваль.

– Черт с тобой, давай.

Последний глоток дался Минаевой особенно тяжело. Она никогда не была любительницей шампанского, тем более подобной кислятины. Если бы, как ранее сетовал Юра, здесь был стол с бокалами виски, она скорее пошла бы к нему, чем пить этот брют, от одной мысли о котором уже начинало подташнивать.

Вера посмотрела в сторону окна: Демидова там уже не было. Слава Богу. Минус одна проблема с глаз долой. Стало душно в этом ограниченном пространстве, алкоголь давал о себе знать. А гляделки с Демидовым только усугубили ситуацию. Девушка решила созвониться с подругами, пока никаких особых телодвижений по залу не было заметно. Все были слишком заняты «деловыми разговорами», флиртом и другой подобной чепухе.

Выскользнув из актового зала, Минаева неуверенным шагом направилась в сторону перехода в их корпус. Семеня по длинному коридору, она записала голосовое в чат, перед этим убедившись, что поблизости никого нет.

«Девчонки, вечерок всем. Что-то тут тухленько как–то. Но поздравьте меня: во мне два бокала и еще два глотка мерзейшего брюта! Убийственный напиток, аж тошнит. Вышла из зала, чтобы созвониться с вами, но так как вы обе были в сети примерно миллиард лет назад, понимаю, что вы две деловые колбасы. Ладно, пойду в дамскую комнату и вернусь, наконец, в сборище пафоса и глянца». Заблокировав телефон, Вера обнаружила, что уже стоит на третьем этаже в их корпусе. Через две двери находился Королевский кабинет.

– Чёрт бы тебя побрал! Весь вечер пошел по одному месту…

– Вы с кем–то разговариваете? – негромкий голос прервал уединение, которым девушка так наслаждалась, и она резко развернулась, чуть не распластавшись на полу из-за потери координации. Краем глаза Вера увидела еле заметное движение его руки, и отшатнулась в сторону, как будто обжегшись.

– Нет, но Вы точно не тот, с кем бы я жаждала поговорить, – едко бросила Минаева. И ужаснулась. Неужели вместо нее сейчас говорит шампанское? В здравом уме вряд ли она могла бросить подобную фразу в лицо человеку, даже если он был ей неприятен.

Мужчина прищурился, оглядев ее с ног до головы.

– Вы выпили.

– Капитан Очевидность, благодарю.

«Замолчи, дура! Иначе с завтрашнего дня будешь сидеть дома на одних алиментах!»

– Вера Олеговна, Вам бы быть поосторожнее со сл…

– Словами? – взбеленилась она. – Вы уверены, что это предназначалось мне? Можете делать, что хотите, но я Вас не боюсь!

Ее голос из тихого превратился в уверенный ровный звук. Неожиданно Демидов схватил ее за локоть и практически силой затащил в свой кабинет. Вера в ужасе уставилась на грозного мужчину, не имея возможности предугадать его последующие действия.

Он лишь сложил руки крест–накрест на груди и сделал шаг назад.

– Я слушаю Вас, Вера Олеговна. Продолжайте.

Пойманная в западню, она опешила.

– Что продолжать? Я Вам сказала всё. Я Вас не боюсь. Каким бы суровым и страшным взглядом Вы не сверлили меня, мне всё равно. Можете дыру во мне протереть, пожалуйста. Потому что я знаю такой тип руководителей. Вы стараетесь выстраивать рабочие отношения с подчиненными, основанные на страхе. Но почему–то в Вашу золотую голову не приходила мысль, что Вас могут не просто бояться, но и ненавидеть? За эти мерзкие фразы, слова, которые могут оказаться гораздо обиднее, чем Вам кажется. За этот вечный надменный вид, мол, «бог тут только один, и это я!» – Вера передразнила Демидова, сложив руки на груди и выпятив нижнюю губу. – Ваше отношение к людям, ниже по статусу, отвратительно, меня тошнит от одного Вашего присутствия ближе, чем в двух метрах. Можете делать, что Вашему сердцу угодно, если оно у Вас, конечно, есть. В чем я лично сомневаюсь. Жалуйтесь моему начальству, пишите докладную о моем неуважительном обращении, но сперва лучше высуньте голову из задницы и проанализируйте свое собственное поведение!

В кабинете настала гробовая тишина. Осознав, что только что произошло, и без того широкие серые глаза раскрылись еще сильнее. Девушка была в шоке от самой себя. И морально готовилась к увольнению, ну или, на крайний случай, пощечине. Но Демидов не проронил ни слова, всё так же глядя ей прямо в глаза. Алкоголь затуманил разум, и в этом бреду Вера снова утонула в окружившем ее запахе сандала и хвойного цитруса. Она прикрыла свои обалдевшие глаза и глубоко вдохнула.

– Вы странно дышите.

– Да, – вызывающе выпалила Вера. – Я человек, и обычно дышу кислородом, представляете? И Вам советую попробовать, а то иногда создается впечатление, что у Вас кислородное голодание.

Мужчина устало потер переносицу и покачал головой.

– Не уверен. Но Вам могу посоветовать впредь думать, что и каким тоном Вы говорите своему начальству.

– Вы мне не начальство, и я не откажусь от своих слов даже под дулом пистолета, который у Вас стопроцентно лежит в ящике под замком. Берегите оружие, вдруг кто–то из подчинённых захочет направить его в Вашу голову.

Позволив рукам упасть, Вера в изнеможении попятились к выходу. На ходу зацепила плечом стоящую у двери вешалку и выругалась:

– Чёрт бы тебя побрал!..

Относилось ли это к невинному предмету или виновному по всем показателям мужчине – неизвестно, но придя к выводу, что накосячить больше уже не получится, Минаева покинула кабинет.

Спускаясь по лестнице, она несколько раз ударила себя по губам и истерически всхлипнула. Ни один мудаковатый человек не станет терпеть брошенной ему в лицо правды. И хоть завтра был нерабочий день, Вера прекрасно понимала, что после новогодних каникул на эту работу вернуться ей будет не суждено.

Глава 8

Демидов стоял посреди кабинета без единого движения. Вера ушла минут двадцать назад, но ее слова продолжали витать в воздухе. Прокручивая монолог дерзкой сотрудницы снова и снова, мужчина постепенно приходил к ужасающему осознанию. Неужели вот таким его видят окружающие? Чудовищем? Человеком, не способным ни на одно хорошее слово, не говоря уже о действиях?

Перед глазами возникли отдельные обрывки картин. Вот он увольняет трудолюбивого и действительно ценного сотрудника за мельчайшую оплошность. А почему? Утром он не смог вовремя выехать на работу, потому что кто–то из соседей перекрыл ему выезд с парковки. В тот день он потерял от силы минут десять, но его испорченное настроение стоило невинному человеку работы. Может быть, карьеры.

Вот он отчитывает охранника за то, что тот не сообразил связаться с соответствующими людьми о починке камеры на КПП настолько быстро, насколько Демидов видел это в своей голове. И снова невинный человек.

Следующий эпизод касался молодой неопытной сотрудницы, которая перепутала папки с документами, и, несмотря на то, что это не повлекло за собой никаких проблем для отдела, после длинной гневной тирады начальника вышла из его кабинета в слезах. Бог знает, сколько времени девушка ещё плакала, отходя от строгого выговора.

Вера. В ее адрес тоже было сказано много неприятного, даже унизительного. Вспомнить даже их первую встречу в читальном зале. Мужчина за пару минут умудрился опустить человека, работавшего в библиотеке уже 4 с лишним года (да, он просмотрел ее личную информацию на сайте какое–то время назад).

Получается, своим поведением он создал вокруг себя ауру, отталкивающую людей, заставляющую подчиненных бояться его. Сам, своими руками.

Единственное, что его беспокоило: почему только один человек из всего коллектива смог раскрыть его глаза, даже если таким вот наглым способом. Минаева не боялась быть уволенной? Вряд ли, кому сейчас не нужна работа… Выпила лишнего? Почему–то он был уверен, что алкоголь здесь не при чем.

Оставался один вариант: Демидов сам подвёл ее к этой точке, когда нервы скрутились внутри жгутом, а слова невольно вылетели, отозвавшись глухой болью в его сердце. Он даже ответить ей не смог, потому что нечего. Что он мог бы ей сказать? Что каждый день встаёт не с той ноги, что он не удовлетворен своим жалким существованием, поэтому не видит иного выхода, как срываться на всех? Бред.

Мужчина опустился в рабочее кресло, достал из шкафа бутылку виски и налил в вычищенный до блеска стакан. Боже, он даже «спасибо» не говорит пожилой уборщице, которая каждый день перед его приходом тщательно убирает весь кабинет, чтобы, не дай Бог, на поверхностях не оказалось крошечной пылинки. А почему она это делает ежедневно? Ответ очевиден.

«Рабочие отношения, основанные на страхе». «Ненавидят».

– Вот, мама, папа, во что я превратился.

Пригубив до конца темно–янтарную жидкость, Демидов уронил голову на руки и замер.

– Это конец. Я серьезно.

Весь состав «тройничка» сидел сейчас в тихом уютном кафе. Вера с отчаянием делилась своими приключениями.

– Думаешь, нажалуется? – Ника обеспокоенно взглянула на поникшую подругу.

– Уверена. Он не тот человек, который будет терпеть подобное обращение. По его глазам было видно, что он готов был достать свой пистолет и выстрелить, как минимум, раз пять. Я не знаю, что делать.

– Может, за время каникул он оттает и вообще забудет о твоём существовании?

Смех вырвался случайно:

– Ты и правда так думаешь? Саш, я, по–моему, первая, кто посмел ему в лицо сказать что-то о его заднице, и ты считаешь, что он это проглотит?

– Да, с задницей был перебор. Прости, Вер, правда.

– Да я понимаю. Он выбесил меня, как только Андрей умеет. Ещё одного подобного персонажа мне не хватало в жизни. Спасибо, блин.

Ника отставила кружку с кофе в сторону.

– Кстати, от Андрея ничего не было пока?

– Связывался со мной вчера. Сказал, в воскресенье приедет. А если ты про деньги, то запомни, моя дорогая, что их я получу только если буду милой и послушной собачкой с улыбкой до ушей и примерным поведением.

– Почему ты не подашь на алименты официально, чтобы посылать его нахрен всегда, когда хочется? – Сашина мысль имела смысл, однако Вера тут же замотала головой.

– Нет, пока он платит такую сумму, пусть продолжает. Если подам, это будет раза в полтора–два меньше. А сейчас пускай хотя бы одно доброе дело делает.

– Не все крутится вокруг денег, – сказала Ника с ангельским выражением лица.

– У меня всё, – Минаева откинулась на спинку стула и застонала. – Когда я твердо встану на ноги в финансовом плане, он пойдет лесом сразу же. Дожить бы.

– Всё будет хорошо.

На протяжении нескольких январских дней Вера вынашивала мысль рассказать маме о всём, что произошло между ней и Демидовым. Точнее будет сказать, между ней и его самовлюблённой эгоистичной натурой, которая прямиком толкнула девушку в ситуацию, слегка похожую на полную жопу. Но каждый раз, слыша ее восторженные комментарии по поводу ее выхода из декрета, язык словно отсыхал и говорить было нечем.

Накануне приезда Андрея Вера с мамой сидели за столом и потягивали вино. Ольга Андреевна всеми силами старалась поддерживать в дочке бодрость духа, утешая и наставляя на правильное выстраивание коммуникации.

– Бесполезно, мам. Всё, что ты советуешь, было бы очень кстати, если бы мы говорили про любого другого человека. Но это Андрей, и тут, извини, ты ничем не поможешь, а все твои советы – полный ноль. Извини. Я просто знаю, что завтра произойдет новая катастрофа, но никак не могу свыкнуться с этой мыслью.

Старшая Минаева тяжело вздохнула, и Вера знала, что это означает: сейчас начнется долгая слезливая речь о том, какая она плохая мать, раз не уберегла своё чадо от подобного чудовища. Поэтому с языка помимо воли сорвалось:

– Я на работе человеку одному нагрубила, представляешь.

Фраза прозвучала максимально небрежно, как будто это было настолько обычным явлением в жизни Веры, что и не стоило обсуждения.

Ольга Андреевна вскинула удивленный взгляд на дочь:

– Кому? Ты?

Дочь равнодушно пожала плечами.

– Да есть там один тип, неприятная личность. – Мама продолжала пытливо смотреть. – Ладно, мам, хорошо. Не просто неприятная личность, он чудовище. Я на новогоднем корпоративе высказала ему всю правду лицо. Если нажалуется, мне крышка.

– Ты выпивала?

– О Боже, при чем здесь это! – младшая уже сто раз пожалела о том, что завела тему. – Да, выпила, но поверь мне, ещё месяц–другой, и я задушила бы его своими же руками. Бесит до чёртиков!

– Вера.

– А? – кинув в рот последний кусок шоколада, девушка пошла наливать себе чай.

– Ты уверена, что он тебя бесит? Может быть, он тебе нравится? Или ты ему?

Кружка почти полетела на пол, если бы не Верина способность ловить всё на лету (всё-таки она мать, а все матери рано или поздно учатся ловить летящие вещи).

– Мам, ты серьезно? Ему сорок лет, если не больше! И он больной на всю голову уб…

– Не ругайся. Не при мне.

– Ладно, – девушка села на стул и оперлась подбородком на свою руку. – Я не понимаю, о чем ты вообще думаешь. Взрослый злобный мужик ополчился на весь мир, и ты думаешь, такой типаж мне по душе? Спасибо, Андрея хватило.

– Ну хорошо–хорошо, не злись, я просто спросила.

– Короче, меня уволят, зуб даю, – девушка слегка поникла.

– Не дрейфь, всё как–нибудь разрулится.

– Не дрейфь?..

Демидов развалился в кресле около камина в спортивных штанах и темно–серой домашней футболке. В руках находился неизменный бокал с виски, а в глазах отплясывал поблёскивающий огонь. Он неживым взглядом наблюдал за озорными искрами, периодически поднося к губам резной толстостенный бокал. С начала праздников прошло уже два дня, а мысли так и не покинули его забитую тонной информации голову. Слова Минаевой вертелись на языке, и после каждого глотка, вспомнив очередную фразу девушки, на автомате повторял ее, словно смакуя на вкус, как плескающийся на дне виски. Было странно и немного дико осознавать, что она единственная нашла в себе смелость выпалить неприятную правду. Маленькая бесстрашная глупая девочка. Он вспомнил ее отчаянный и… презрительный взгляд? Тут невольно кольнуло сердце. Его целью не было отталкивать и обижать людей, но только так он мог с уверенностью признать, что чувствует себя в безопасности. Ведь когда люди видят хорошие дела, они ожидают еще больше, а Демидов не хотел жить в соответствии с ожиданиями других. К тому же он знал, что не оправдает их.

В душе накапливалось тревожное чувство. Проматывая в мыслях свои нелицеприятные поступки в отношении других людей, мужчина всё больше поражался, насколько точны были слова девушки. Теперь он был с ней согласен. Но и сделать ничего не мог. Или мог?

Перед лицом всплыло выражение ее лица, потухший взгляд, выражающий полное разочарование. Но ведь ни разу, за время их стычек, он не давал ей повода думать о нем хорошо. Наверное, он мог измениться, но не видел в этом смысла. Зачем, если в глазах сотрудников он был и остается «надменным отвратительным руководителем с готовым набором мерзких, обидных, колючих фраз»?

Но что Демидова беспокоило сильнее всего остального – и он не понимал, какого черта! – он больше не хотел быть таким в глазах дерзкой, но поразительно смелой девушки. Она открыла ему глаза, не более. Теперь он чувствовал, как будто должен разнести ее уверенность в пух и прах, чего бы ему это ни стоило.

Глава 9

Андрей: «Буду через полчаса. Есении что-нибудь нужно?»

Вера: «Спасибо, у нее всё необходимое есть».

Андрей: «А из не необходимого? Вряд ли ты ее сильно балуешь».

– Блять! – чистя зубы перед выходом, Вера не сдержалась и забрызгала зубной пастой нижнюю часть зеркала после прочтения этого сообщения.

Одеть Есению на улицу всегда было легче лёгкого: девочка росла понятливой и терпеливой (в отличие от ее мамы). Не крутилась, не болтала руками–ногами, поднимала подбородок, когда требовалось застегнуть молнию. Меньше, чем через пятнадцать минут девочки стояли около выхода, снаряженные до предела.

– Ни пуха, ни пера, – пробормотала Ольга Андреевна.

– К чёрту Андрея, – так же тихо хихикнула Вера, скрывая истерику за смехом.

Спускаясь на лифте, она потрепала малышку за верхнюю часть щеки, выглядывавшей из-за слоёв одежды, и сказала с нарочно позитивной интонацией:

– Есень, погуляем с папой? К тебе папа приехал, соскучился по тебе.

Большие умные глаза взметнулись к маминому лицу. Девочка помолчала несколько секунд, однако на лице не отразилось никакой эмоции. Вера выдохнула: уж лучше так, чем безумная радость.

– Папа. – Есения на автомате повторила редко упоминаемое в их семье слово. – Папа, дя. Мам.

– Мама с тобой, солнышко. Погуляем и потом в магазин с тобой сходим обязательно, у нас еды совсем чуть-чуть осталось.

Маленький ангел схватился за мамину руку и спокойно последовал к выходу.

Около подъезда стоял он. Человек, которого, будь у Веры выбор, она вычеркнула бы из своей жизни раз и навсегда. Но сейчас ей приходилось лицезреть его «сладкую» физиономию время от времени, потому что, как ни крути, он был и остается отцом Есении. Если быть до конца честной, уж лучше никакого папы, чем такой.

Его темные волосы были коротко пострижены, а в глазах до сих пор плясал дьявольский огонек, как когда-то лет 5 назад. Вера знала эту ухмылку, играющую на давно ставших чужими губах. Она не предвещала ничего хорошего. Только новые раны от каждого брошенного слова.

– Ну привет, Есенька! Как же ты выросла! Пойдешь к папе?

«Есения, девочка моя, умоляю, не двигайся», – молитвы настороженной мамы были услышаны. Малышка стояла, как вкопанная, всё еще держась за мамину руку.

Андрей поднял взгляд на бывшую жену и ядовито усмехнулся:

– Настраиваешь ее против меня, да? Молодец, пользуешься тем, что она живет с тобой. Только не забывай, что я тоже ее родитель, как и ты.

– Ты идиот?

Будь Есения чуть постарше, скорее всего, у нее возник такой же вопрос, но сейчас они имели то, что имели: противостояние двух взрослых людей.

Карие глаза вернулись к маленькому личику.

– Ты не слушай, что тебе мамка говорит про папу, хорошо, дочь? Я много работаю, вырываюсь к тебе, как только появляется возможность. И очень по тебе скучаю.

– Мама, – Есения внимательно посмотрела на Веру, словно спрашивая разрешения.

Еле выдавив из себя улыбку, девушка скрепя сердце пробормотала:

– Возьми папу за руку, малыш. Пойдемте погуляем.

Андрей оглядел одежду дочери:

– Почему ты ей синий комбинезон купила? И шапка эта серая. Выглядит, как мальчишка.

– Я не покупала эти вещи, нам их отдали знакомые. Думаешь, на твои щедрые алименты я могу позволить себе ходить в Детский мир за одеждой? Могу, конечно, но тогда мы все сядем на диету. Есения в том числе.

Мужчина злобно сверкнул глазами.

– Кто–то вообще не присылает деньги на своих детей.

– Ну тогда этот кто-то и детей своих не видит.

Перепалка закончилась молчанием, но Вера понимала, что это только начало.

Они подошли к детской площадке, и Есения помчалась скорее взбираться на горку.

– Слушай, может, я отвезу Есению в гости к маме с папой и деду как-нибудь?

Вопрос прозвучал невинно, но словно ударил девушку под дых. Она замерла.

– Нет.

– Почему?

– Она слишком маленькая и плохо воспринимает незнакомую обстановку.

Бывший муж нахмурился, не отводя взгляд от резвившейся дочки.

– В смысле незнакомую? Она уже была там, тем более, не за границу же я ее хочу отвезти, тут всего лишь пару часов ехать.

– Была там? Когда ей исполнилось 2 месяца, ты серьезно?

– А что такого, Есения любит на машине кататься.

– Андрей, нет! – жестко отрезала Минаева. – Никакой области, и точка.

Наблюдая со стороны, как он возится с дочкой, сердце мамы сжалось. По сути, он, как отец, имел право взять ее к бабушке, но проблема была в другом. Вера крутилась в той атмосфере год, до момента, как они с Андреем поженились, и она видела, что детям там не место. Их дом в области скорее напоминал увеселительное учреждение, где можно выпить, попеть в микрофон, а потом вырубиться где попало. И никто тебя за это не осудит, потому что никто и не вспомнит. Они талантливо притягивали любое событие к празднеству: постригся – давайте отметим, вернулись с отдыха – давайте посидим, чихнули – нужно продезинфицироваться! Черт, там даже еды для ребенка нормальной никогда не было!

От воспоминаний о своем последнем приезде в гости к бывшей свекрови Веру с отвращением передернуло.

– Ты подумай всё-таки, а то мне придется ее выкрасть, раз по-хорошему не отдаешь, – Андрей нагло улыбался ей в лицо.

– Она тебе что, игрушка? Даешь, не даешь. Ты хоть подумал о девочке, которая попадет в незнакомую обстановку? Кто ее успокаивать там будет?

– Я. Мама. Ну если не доверяешь, можешь, конечно, тоже поехать… – Видно было, что в планы Андрея это предложение не входило.

– Ни за что.

– Почему нет? В какой-нибудь будний день в феврале, чтоб пробок не было.

– Я не могу в будни. – Честно призналась Вера и тут же прикусила себе язык: сказала А, придется говорить и Б. «Блять» подойдет?

Он подозрительно прищурился.

– Почему? Детский садик, или ты на работу вышла?

Твою ж мать, Андрей.

Вера молчала, потому что не хотела говорить этому человеку о своих дополнительных доходах: знала, к чему это может привести.

– Да? Ну здорово, молодец. Тогда, может, я могу немно–ожко сократить выплаты?

Вот оно, абсолютно свойственный ублюдку вывод.

– Как твоей душе угодно, – твердо ответила Вера, в глубине ощутив нарастающую панику. Потому что знала: его душе угодно.

– Посмотрим.

«Посмотрим», – болезненным эхо отозвалось в сердце девушки. Она понимала, что в любой момент может остаться без денег. Ее зарплаты едва ли хватит на продукты и вещи первой необходимости, не говоря уже о детской одежде и охренеть каком дорогом детском питании. Первая мысль была вдарить бывшему мужу как следует по лицу, но здравый смысл ей подсказал, что игры с низкими людьми по их правилам добром не кончатся. Ты в любом случае окажешься в проигрыше.

Есения резвилась на детской площадке, минимально обращая внимание на своего папу, который старался вклиниться в любое ее занятие. Вера глубоко в душе потешалась над этой картиной, то ли злорадствуя, то ли искренне радуясь.

– У нее шея открыта, не видишь? – его лицо опять возникло перед глазами. – Хочешь, чтобы моя дочь заболела? Да уж, Есень, родителей не выбирают, к сожалению. Ну хоть с папкой тебе повезло, да, малыш?

Краснощекая улыбающаяся девчушка обежала папу и с эмоциональным визгом чуть не сбила Веру с ног, обняв за колени. Мама металась между двумя возможными действиями: взять дочку на руки и покружиться с ней или надрать бывшему мужу зад. Прям посреди детской площадки. Поверьте, она была очень близка к выбору второго. Иначе почему она вдруг вспомнила Демидова и якобы спрятанный у него в кабинете пистолет?

Демидов. Воспоминания о нем вызвали целую бурю эмоций в молодом горячем сердце, но одна всполыхнула ярче остальных: завтра на работу. Или всё же нет? Она так и не поняла, какие последствия понес за собой ее выпад в сторону начальника. Да, именно начальника: сейчас она это поняла и приняла. Но, скорее всего, было уже поздно.

Глава 10

В понедельник Минаева пришла на работу вовремя, но по ее выражению лица было понятно, у кого из библиотекарей оказалась бессонная ночь. Жаль, правда, что не по иной причине.

Поздоровавшись со «своими» женщинами, Вера приступила к работе, ожидая, когда Елена Анатольевна вынесет свой карательный приговор. Но руководитель молчала, уставившись в монитор.

Коваль с интересом поглядывала в сторону молодой коллеги, как будто выжидая удобный момент для допроса. Она то и дело подозрительно щурилась, как недоверчивый рентген, на что Минаева слишком далеко закатывала глаза, и через какое–то время у нее запульсировало в висках.

– Так, девочки, поздравляю, на этой неделе мы со всеми новыми книгами закончили. Вера, Вы внесли их все в базу?

– Да, Елена Анатольевна, еще до праздников, – коротко ответила девушка.

– Отлично. В конце недели придет еще один акт, тогда возьмешься за него?

«Нет».

– Да.

Девушки сели за свободный столик в столовой. С полным отсутствием аппетита Минаева взглянула на лежащую на подносе еду.

– Куда ты исчезла с корпоратива?

– Началось, – выдохнула собеседница. – Я ушла домой, потому что меня стало тошнить от этой светской мишуры.

– А мы тебя ждали! – с упреком воскликнула Лера. – Юра собрался чуть ли не весь корпус обыскивать в поисках тебя. Кстати, милый жест был бы. Правда, я его остановила.

Всё это было настолько несуразным, особенно, зная, что в этот момент Вера стояла в другом корпусе и орала на человека, взрослее нее предположительно в два раза. Ладно, чуть меньше, но это не играло роли. Девушка нарочито небрежным жестом хлебнула неизменный кофе – вечный атрибут ее трудовых будней – и с полным безразличием ответила:

– Правильно сделала. Я уже была на пути к дому, вероятнее всего.

– Ну ты странная, конечно. – Глаза подруги сузились настолько, что едва были видны зрачки. – Что-то случилось в тот вечер?

– Нет, – Вера поспешила искоренить все подобные подозрения, дабы никто не поймал ее на сокрытии гостайны. – Правда, разболелась голова. Сто лет уже не пила в таком количестве, да ещё и такую дрянь.

Лёгкий звук отвлек Веру от выпутывания из клубка лжи. На входе столкнулись два человека: молодая сотрудница и… Демидов. Задев плечом пресловутого свирепого руководителя, девушка поменялась в лице. Как и все, заметившие данный инцидент. Вера с презрением стрельнула взглядом по широкой спине, ожидая новый набор мерзких словечек для пополнения своего словарного запаса.

– Прошу прощения.

«Что? Что, мать твою, он сказал?» – Вера поперхнулась собственной слюной.

– Кто?

Лера проследила за ее взглядом и непонимающе уставилась на коллегу.

Поняв, что шок чудесным образом превратился в достаточно громкое восклицание, Вера вспыхнула и опустила взгляд.

– Да неважно. Просто Де… дел много будет к концу недели.

Не нужно было Коваль знать, что Вера обращает внимание на такие мелочи, как Александр Станиславович Демидов.

Зажатая между губ сигарета мешала записывать голосовое подружкам, поэтому Вера вынула ее и проговорила в телефон:

«Кажется, буря миновала. По крайней мере, Швец мне сегодня ничего не сказала, и по лицу не было видно, словно я лишаюсь работы. Короче, в этот раз вселенная меня пощадила. Ура!»

Саша среагировала тут же: «А что Демидов? Ты его видела?»

Вера: «А Демидова больше нет. Вместо него теперь какой–то мужик, который говорит „прошу прощения“, когда задевает кого–то плечом».

Саша ответила письменно: «Чего, блять? Он уволился?»

Вера: «Нет, он просто извинился перед девушкой, когда та столкнулась с ним на выходе из столовой. Либо это реинкарнация, либо грядет новая буря».

Ника: «Охренеть. Это точно был он?»

Вера: «Точно. Наверное, за новогодние праздники ему сделали пересадку мозга».

Ника: «Ахахах, ну главное, чтобы он тебе не нагадил в будущем».

На нагадит. В этом Вера была уверена.

Миновав тихо перешептывающихся студентов, Вера забрела к дальним стеллажам и прислонилась спиной к полкам.

«Это адская мука – жить, как на пороховой бочке. Знать, что ты виновата, но тебе почему–то за твою дерзость пока не прилетает. Но ведь в любой момент это ружье выстрелит, правильно? Возможно, он специально тянет время, чтобы извести меня, чтобы я ломала голову, перестала париться, а потом бам! – освободите свое рабочее место, и как можно скорее, Вера Олеговна, Вы самое настоящее хамло. Он ждёт, пока я успокоюсь, вернусь в привычное рабочее русло, и уже только потом сделает свою запланированную подлость».

– Вера Олеговна, добрый день.

Сандал, хвоя, цитрус, страх, паника, смерть – всё перемешалось в один сумбурный поток. И в этом потоке Вера разглядела изучающий взгляд черных, как омуты, глаз. Демидов одним плечом облокотился о стеллаж, наблюдая за реакцией девушки. Она старалась взять себя в руки, правда, старалась, но эти руки сейчас бились мелкой дрожью где-то за спиной.

– Вы не поможете мне? – взгляд продолжал сверлить, сворачивая все ее внутренние органы в жгуты. – Пожалуйста.

– Пожалуйста? – шок заставлял ее повторять услышанные слова, как попка-дурак.

Он кивнул и коротко подтвердил:

– Пожалуйста.

– Разве я разбираюсь в системе УДК? Может, Вы ошиблись адресом?

– Вера Олеговна, – нетерпеливо перебил мужчина, – я никогда не сомневался в Вашей квалификации, за те слова прошу меня простить. Но сейчас мне действительно нужна Ваша помощь.

– Моя, – оставалось только потрясти головой и поклевать пшена, и никто бы не усомнился в том, что под ее блузкой скрывались перья.

– Ваша.

Ей показалось, или он только что извинился? И попросил ее помочь?

Вера оторопела от неожиданности и бессвязно пробормотала:

– К-конечно, С.…Александр. Станиславович. Я.… эм, чем я могу помочь? Вам. Помочь Вам.

И, о Боги, тут случилось нечто: Демидов расправил плечи и из его горла донёсся глубокий бархатный смех. Белые зубы ослепили настолько, что Вере пришлось на секунду зажмуриться и тряхнуть прядями, чтобы вернуть концентрацию.

– Мне нужна книга по психологии управления.

– Автор?

– Не знаю.

– Название?

– Тоже не знаю. Можно посмотреть, что у вас есть?

– Вы спрашиваете разрешения, или это какая-то новая игра? – Вера решила пойти напролом.

Демидов непоколебимым серьезным взглядом всматривался в ее черты лица. Неужели этот тяжёлый взгляд в тот момент утаивал в себе толику сожаления и грусти?

– Я не играю с Вами и никогда не посмел бы. Я всего лишь прошу помощи у специалиста в сфере, в которой мало что понимаю.

– Бред какой-то, – еле слышным шепотом выдала Вера, пройдя мимо мужчины, и добавила, уже громче: – Идите за мной, я покажу.

Александр Станиславович с неподдельным интересом оглядел девушку, моментально перешедшую от смущения к приказам. Всё-таки это была ее сфера, поэтому ему следовало подчиниться. Он прошел за ней к соседнему стеллажу, ближе к окну, и послушно остановился, не отводя от нее глаз.

– У нас много экземпляров в наличии, есть Бланшар, Аткинсон, Маккей. Хотя бы кто Вас интересует?

– Может быть, Вы, – она закашлялась, он исправился: – Вы можете мне что-нибудь посоветовать?

«Кто этот человек, и почему я с ним разговариваю? Верните прошлого Демидова, с этим я морально не справляюсь…»

– Хорошо. Вот книга Дотлиха, «11 врагов руководителя: модели поведения, способные разрушить карьеру и бизнес.» Там про… врагов руководителя… и как не вести себя, чтобы… чтобы не разрушить всё… – она поняла, как глупо, по-детски звучит со стороны, и сдалась, со смехом признавшись: – Я не читала ее.

– Разумеется, – тут же последовал короткий ответ.

Широко распахнутые глаза устремились вверх к его лицу. Мужчина кивнул на книгу.

– Разумеется, я ее возьму.

– Хорошо. Еще есть Стивен, эм, Кови, «Восьмой навык: от эффективности к величию», если Вам интересно, – пытаться рассказать содержание Вера уже не стала.

– Интересно.

«Черт, если я ему сейчас змею предложу, он тоже с радостью согласится? Что происходит?»

Демидов, кажется, даже не взглянул ни разу на книжные полки. Всё его внимание было сосредоточено на растерянной от свалившейся ответственности молодой девушке. А она этого даже не заметила, так как из кожи вот лезла, чтобы выполнить свою работу на все сто, дабы у «бывшего ублюдка» не возникло ни единого повода считать ее недостаточно компетентной. Вера пробежалась глазами по полке и рванулась к зеленому корешку.

– Вот! Недавнее поступление, из серии «Библиотека Сбербанка», Елена Анатольевна наконец добилась…

– Вера Олеговна, я подписывал акт.

Она медленно подняла полыхающее личико и поджала губы.

– Точно. Прошу прощения. «Действуй, как лидер, думай, как лидер», Ибарра…

– Беру все три.

Дрожащими руками она практически впечатала выбранные книги в тело мужчины и пробормотала:

– Отлично. Пройдите к ресепшену, Вам запишут их в личную карточку.

Девушка рассматривала свои кеды, краем глаза видя, как мужчина исчез из поля зрения. Подавив желание громко и с чувством облегчения выдохнуть, она снова была отвлечена:

– Спасибо за помощь.

Демидов заглянул в проход и, задержав последний короткий взгляд на удивленном лице, исчез, теперь уже с концами.

– Спасибо?! – терпение лопнуло.

Влетев в офис, Вера готова была метать молнии и крушить всё вокруг. Ее неимоверно раздражало новая личность Демидова, когда она только-только начала привыкать к старой. С той версией всё было очевидно: он ненавидел окружающих и вымещал свою злобу единственным знакомым ему способом. Поэтому ненавидеть его в ответ было проще. А что делать с этой версией оставалось загадкой. Минаева ломала голову, невидящим взглядом уставившись в монитор. Движения стали резкими, отрывистыми, а мозговая деятельность опустилась к нулю. Все невыполненные задания остались в том же статусе, потому что, какой бы ответственной девушка ни была в плане работы, она так и не научилась управлять своими эмоциями. А все мы знаем, как сильно наши эмоции влияют на трудоспособность. Быть расквасившейся лепешкой казалось не в ее стиле, однако Вера не могла отбросить крутящиеся мысли в сторону. Лера ускакала в другой филиал по «важному поручению руководства», Яна Валерьевна уже была на пути к дому, поэтому в офисе остались только Швец и жалкое подобие трудолюбивой сотрудницы.

– Верочка, у Вас всё хорошо?

Вопрос попал в яблочко. «Нет! Нет, черт возьми, ничего не хорошо! Меня снова стали сводить с ума тупые мужики!» – хотелось закричать несчастной жертве непонятно чего.

– Не… Елена Анатольевна, всё в порядке, просто… – она не знала, продолжать ей или выброситься в окно.

– Надеюсь, не проблемы в семье? – обеспокоенный голос женщины тронул до глубины души. Захотелось вылить весь ушат сомнений на нее, но правила этикета тут же постучались в мозг.

– Я устала. И нет, не от работы. Работа, наоборот, поддерживает во мне осознание, что я живу, что я полезна. Работа отвлекает от всех проблем вне этих стен. Хотя… – Вера замялась, – здесь, оказывается, тоже есть проблемы.

– С кем-то из сотрудников?

– В яблочко, – хрипло рассмеялась девушка, не узнавая свой собственный голос. – Не просто сотрудником, а ого-го каким сотрудником.

– Вы же не про меня говорите? – Швец попыталась шуткой разбавить душевные метания подчиненной.

– Нет, что Вы! – воскликнула Вера. – Вы ангел, а он…

– Значит, он.

Еще пять секунд, и начальница всё поймет и поймет правильно, в этом Вера не сомневалась. Она приняла решение не мучить ни женщину, ни себя.

– Он. Демидов.

– О, – всё, что могла сказать ничуть не удивленная Швец. Она помолчала и осторожно проговорила: – Вера, он непростой человек, знаю. Я с ним знакома около двадцати лет, с того момента, как он пришел сюда мальчишкой на самую низшую должность, таким же неопытным, как и Вы когда–то. Тогда он казался затюканным и забитым ребенком, попавшим в наш хаос и не понимавшим, что к чему. Саша вырос на моих глазах и превратился в того, кем стал сейчас. Да, характер не золото. Но верите ли, душа у него золотая. Всё, что я могу сказать: не судите, Вера, книжку по обложке. Я не прошу Вас быть дружелюбной с ним, не прошу понять и простить, просто постарайтесь посмотреть на мир его глазами. Ему 45 лет, он одинок, семьи нет, родня в другом городе. Всё, что у него есть – это его работа, его дело, и этому делу он отдает

всего себя. Вечером он идет домой и, Бог знает, чем занимается, но что-то мне подсказывает, что вряд ли это разговоры с друзьями по телефону. Понимаете? Он возвращается домой, а его никто не ждет. Честно, смотрю иногда на Сашу, и у меня сердце сжимается. Под всей этой холодной маской безразличия и презрения скрывается чуткое и доброе сердце. И мне искренне жаль, что этот сильный, но глубоко одинокий человек вынужден справляться со всем именно таким способом. Вы же понимаете, что это самозащита? Всё, что он бросает людям в лицо, вся эта неприятная правда и несправедливые обвинения – это способ защитить себя от окружающих. И окружающих от самого себя. К сожалению, некоторые люди видят только такой выход. Именно поэтому они остаются сильными и беспощадными.

– Елена Анатольевна, я на него накричала… – помимо воли сорвалось с языка Веры. Искренность начальницы пробила словесный застой, накопивший за долгое время тонну невысказанного.

Швец приостановила свою пламенную речь.

– Когда? И почему?

В ее голосе не было упрека или осуждения, скорее, интерес. И это добавило каплю храбрости девушке.

– После корпоратива. Я случайно столкнулась с ним на третьем этаже и.… да я просто не смогла сдержаться. У меня накипело от его отношения ко… ко всем. И я высказала ему всё в лицо. Неужели он Вам ничего не говорил? – тут Вера ахнула. – Может, он не Вам должен был пожаловаться…

Швец наградила Минаеву мягкой улыбкой.

– Не переживайте, он никому не скажет.

– Но…

– Если до сегодняшнего дня никто об этом не узнал, значит, в его планах нет Вашего увольнения.

– Тогда что в его планах? Мучить меня этими играми? Вчера он обозлившийся на весь мир тиран, сегодня – вежливый и понимающий руководитель?

– Вы не думали, что что-то его поменяло? – Елена Анатольевна внимательно посмотрела на рассерженную девушку. Та угрюмо сверлила стену взглядом.

– Что именно, пересадка сердца? Которого у него раньше не было?

Ладно, это было грубо, но сейчас Вере было не до тактичности. Разговор зашёл слишком далеко.

– Нет. Может быть, Вы раскрыли ему глаза. В любом случае, не переживайте. Если бы он хотел Вас наказать, давно бы сделал всё, ведь мы обе знаем, что это ему под силу. Но сейчас Вы здесь, а значит, он не дал ход этому инциденту.

– А значит, мне надо на коленях слёзно благодарить его, разумеется.

Швец рассмеялась:

– Ни в коем случае. Просто пускай всё идёт, как идёт. Время покажет.

И заговорщически подмигнула.

«И что это должно значить?»

Глава 11

Не хотелось признаваться даже самой себе, но Вера жаждала встречи с новой версией Демидова. Затем, чтобы продемонстрировать этой ходячей загадке, что она ни капли не верит в его волшебное перевоплощение из монстра в паиньку. Конечно, будь у нее возможность, девушка бы с радостью еще раз выплеснула ему в лицо все свои подозрения, а еще лучше – треснула бы чем-нибудь по его притворной физиономии, чтобы раз и навсегда отбить любое желание дурачить окружающих! Но первого раза Вере хватило, поэтому испытывать судьбу дважды подряд вошло в список запрещенных действий. Всё-таки она не была обделена хорошим воспитанием, а уж с неприязнью к Демидову как–нибудь справится.

– Верочка, заполните акт, пожалуйста. Всю информацию я Вам выслала на почту в документе.

– Хорошо, Елена Анатольевна.

Минаева открыла файл Word, не обращая внимание на подкатившее волнение. Это задание означало одно: после заполнения акта она пойдет на третий этаж. И как бы ей ни хотелось замедлить процесс выполнения поручения, пальцы абстрагировались от ее разума, запорхав по клавишам. Информация за несколько минут перекочевала из одного файла в другой, принтер сработал на удивление быстро, и вот ноги подвели ее к ненавистной и одновременно желанной двери. О, сейчас начнется ее триумф! И Демидову не удастся соскочить. Она клянется.

Едва коснувшись костяшками пальцев запертой двери, девушка, как грациозная лань, вплыла в офис. Мужчина сидел, откинувшись на спинку кресла, и с завидной скоростью пролистывал кипу документов в руках. Подняв глаза, выпрямился и слегка откашлялся.

– Добрый день, Вера Олеговна. По какому вопросу?

– По важному, – отрезав, девушка прошествовала по кабинету к его рабочему месту.

Демидов снял очки и поставил локти на стол.

– Присаживайтесь. Я слушаю.

Она слегка оторопела и испугалась, уж не окажется ли ее долгожданный триумф преждевременным. Неловко помявшись, Вера потрясла головой, отчего волосы разлетелись в разные стороны.

– Нет, благодарю. Я не в том статусе, чтобы сидеть в кабинетах чужих начальников.

Кажется, она так и жаждала его срыва. Мечтала подвести к той точке, когда он не сдержится и вернет свое прежнее суровое обличие. Но ни один мускул на его лице не дрогнул, напротив, уголки губ приподнялись, и мужчина выдал что-то наподобие улыбки.

– А в каком статусе Вы предпочли бы заходить в мой кабинет?

Рот девушки приоткрылся, когда она поняла двусмысленность сказанной ею фразы.

«Он что, пытается сбить меня с толку дурацким флиртом? Чудовище».

– Я… – пауза, – предпочла бы в принципе не появляться в Вашем кабинете примерно, эм, никогда.

Он внимательно следил за каждой ее эмоцией:

– Мы здесь не в рабстве, разве нет? Вы спокойно могли бы передать это поручение своей коллеге.

– Дело в том, что, как Вы правильно однажды заметили, я плохо разбираюсь в библиотечных вопросах, следовательно, должность «принеси–подай» – именно то, что подходит для таких дурочек, как я.

Девушке казалось, словно ее посадили на осиновый кол – до того ее тело было выпрямлено и напряжено, как струна. Она подумала: стоит ей слегка приподнять подбородок, и ее голова коснется потолка. Взгляд мужчины стал еще более заинтересованным, когда в нем промелькнуло осознание:

– Вера, Вы пытаетесь вывести меня из себя? – снова этот бархатный смех. – У Вас не выйдет.

– Мы перешли на более неформальное обращение, без отчества? Я просто не заметила, прошу прощения.

Он потер переносицу и снова бросил на нее быстрый взгляд.

– Тогда это я прошу прощения, вырвалось.

– Как и всё остальное, ранее сказанное, да?

Мужчина вскочил на ноги и в долю секунды оказался перед ее лицом. Так близко, что сердце упало в приклеенные к полу пятки. Она даже попятиться не смогла.

Его голос был тихим, но предупреждающим:

– Не играйте со мной в эти Ваши игры. Зачем Вы пришли, Минаева?

– Как грубо, – бесцветным голосом прошелестела девушка. – Акт.

Он опустил глаза на документ в ее руках, почти смятый по краям. Протянул руку и, случайно задев ее пальцы своими, практически вырвал его, тут же метнувшись в сторону стола. Настороженным взглядом пробежался по файлу. Затем Демидов кивнул и, небрежно поставив свою размашистую подпись, подвинул бумагу к противоположному краю стола.

Вера ждала дальнейших указаний, приструнив свой пыл после его упрека. Она не собиралась с ним играть, но и оставить все, как есть, не могла. Черт знает почему она возомнила себя способной докопаться до истины, раскусить этого человека. Но его всплеск обрубил весь план на корню. Его слова заставили задуматься, кто здесь главный игрок. Потому что теперь, вместо поисков «настоящего Демидова», на ум пришла одна, ужаснувшая ее мысль: неужели это и есть его истинное лицо?

– Возьмите акт, Вера Олеговна, прошу.

Спокойный ровный голос отвлек ее от раздумий. Она схватилась за документ, как за спасительную шлюпку, и уже была готова вылететь из кабинета, когда мужчина добавил, тихо и мирно:

– Если не желаете со мной пересекаться, всё в Ваших руках. Но не старайтесь понапрасну начинать войну, выиграть которую Вам не под силу.

Его слова врезались в спину больнее ножа. Она развернулась и остановила яростный взгляд на его упрямо сжатых губах.

– Если Вы думаете, Александр Станиславович, что я верю в Ваше фантастическое перевоплощение из му… – она решила не продолжать и выпалила: – Это не так. И никто Вам не поверит.

– В моем графике нет пункта «просветить всех, что Демидов больше не зверь». Не верите – Ваше право.

Строгий взгляд на секунду выразил досаду, могло показаться, что он расстроен, но девушка была слишком занята придумыванием ответа, чтобы это заметить. Она едко бросила:

– Вот и отлично.

– Отлично, – удивительно покорно подтвердил мужчина и перевел глаза на монитор, словно выпроваживая ее своим безразличием. Он даже не взглянул вслед ушедшей девушке.

А она, уверенная в своей (сомнительной) победе, бодро зашагала обратно в офис, высоко задрав голову.

Глава 12

Сидя в офисе в гордом одиночестве, Вера копалась в стопке разбросанных по столу документов, сверяя данные с файлами в сетевой папке. Она потягивала кофе из стаканчика, иногда отвлекаясь на дребезжащий телефон.

Тройничок был в сети, подружки сплетничали между собой, но Минаева едва уделяла внимание их разговорам.

Отложив в сторону сверенный файл, она перешла к следующему. Работать одной в кабинете ей нравилось. Так она чувствовала себя достойным и ответственным сотрудником. Одна, наедине с тонной работы, предоставлена сама себе и грамотно распланированному времени.

На телефоне загорелся экран, всплыло уведомление.

Андрей: «Давай в эти выходные я свожу Есению к родителям? Обещаю, пару часов там, и мы обратно. Хватит уже упрямиться. Ты же не хочешь, чтобы я сократил выплаты? Хотя могу, учитывая, что твоя организация теперь тебе платит».

– Чертов ублюдок!!! – в сердцах выкрикнула девушка, порадовавшись закрытой двери. Хоть бы стены здесь были звуконепроницаемые.

Настойчивость Андрея только распалила ее нетерпимость к этому человеку. Нетерпимость и страх? Неужели она боялась его и его поступков? Их развод был морально тяжёлым процессом, но, несмотря на то что Андрей не препятствовал ему, бывший муж решил сделать ход конем и отыграться на психике Веры. Клевета, обвинения, ирония, пропитанная ядовитыми нотами, угрозы – всё это казалось началом конца, как говорится. Девушка пришла в суд забирать заявление истощенной, как морально, так и физически. После этого тройничок забрался в ближайший бар и напился в хлам. Даже Ника, не особо приветствующая алкоголь, не могла смотреть на мертвенно бледное лицо подруги и искрящие отчаянием глаза, поэтому вместе со всеми поднимала за «искоренение всех мудаков на планете».

Вот и сейчас она снова испытывала те же эмоции, что и несколько месяцев после развода. Кулаки чесались безумно, и если бы Андрей совершил такую ошибку, как появиться перед ней собственной персоной, то через пару минут его персона мчалась бы на машине скорой помощи в близлежащую больницу. Девушка повторяла одно и то же слово, меряя шагами кабинет, заламывала руки и проклинала один-единственный день: когда вышла за него замуж. Открыла окно и глубоко вдохнула свежий воздух. Слеза одиноко скатилась по левой щеке и упала на пиджак.

– Держись, дорогая моя, он ничего тебе не сделает. Ты же сильная, ты сможешь когда-нибудь надрать ему зад и послать ко всем чертям. Надо просто подождать.

Вера: «Я уже все сказала тебе по этому поводу. Я не собираюсь своими (или твоими) руками ломать психику маленькому ребенку. Закроем тему».

Минаева готовилась к любому ответу, нейтральному, язвительному, насмешливому.

Андрей: «Смотри сама. Главное, не пожалей когда–нибудь об этом».

Будучи сами по себе безобидными, слова сложились в фразу, выбившую дух из адресата. Слезы хлынули из глаз, а изо рта вырвались то ли стоны, то ли шипение. Вера сползла спиной по батарее и опустилась на пол, поджав колени и спрятав в них лицо. Теперь она осознала, какую ошибку совершила, но сделать по–другому просто не могла. Из-за дочери.

Когда связываешься с дураками, будь готова ко всему, но сейчас Вере показалось, что к подобной угрозе она не была готова. Она бы простила ему, если б он выбрал своей целью ее саму или лишил алиментов, но под ударом также могла оказаться и Есения. И это было страшнее всего. Надежда, что Андрей всё же не сможет навредить собственной дочери, тихонько умирала у ног распластавшейся на полу мамы.

Глаза словно жили своей жизнь, не прекращая поток слез. Вера пыталась взять себя в руки и хотя бы встать с заметно холодного пола, но ее обессиленное тело не подчинялось.

– Ублюдок, какой же он ублюдок… – еле шевеля губами, шептала Вера, чувствуя, как соленые слезы стекали по уголкам рта.

– Вер, пойдем курить? – девушка только по звуку поняла, что дверь распахнулась. Твою мать, Юра!

Мужчина скользнул взглядом по кабинету и уже хотел уходить, когда заметил торчащий из-за стола кроссовок.

– Вера?

Он осторожным шагом приблизился к растекшейся, как сопливая лужица, девушке. Та даже не пошевелилась, не издала ни звука, только всхлипы прекратились. Юрий присел на корточки и протянул руку. Каким-то шестым чувством Вера поняла его намерения и невольно дернулась в сторону, отрицательно замотав головой. Мужчина убрал руку, придя к выводу: сейчас ее измученное сознание не выдержит прикосновения, и он боялся сделать только хуже.

– Уходи, Юра, курить я не хочу, – глухой голос донесся откуда–то из коленок.

– Может, хочешь поговорить? – рискнул айтишник.

– Нет! – голос сочился нескрываемой злобой. – Прошу, просто уйди.

Всхлипы стали отчетливо слышны, и Юра не понимал алгоритм дальнейших своих действий. Если в программировании он разбирался на все сто, то о женской психологии не знал ровным счетом ничего.

– Что случилось?

Еще один голос прервал образовавшуюся в кабинете тишину.

– Вы все решили меня доконать, да? Признайтесь! – Вера так и не подняла зареванного лица от коленей, только по голосам различая, кто зашел в офис. И второго гостя, Демидова, она готова была растерзать за это бестактное вторжение в ее личное пространство. – Уходите!

Демидов внимательно всмотрелся в жалкую фигуру девушки, перевел взгляд на Юрия и кивком головы указал ему на дверь, мол, «я разберусь». Тот пожал плечами и медленными шажками попятился к выходу. Последний взгляд на Веру, и он исчез.

Александр Станиславович плотно закрыл дверь в кабинет и, в мгновение оказавшись около окна, сел рядом с Минаевой. Она поежилась от ощущения холодного пола под собой, но положения так и не поменяла. По запаху сандала и этого чертового цитруса девушка пришла к выводу, что Демидов все еще был в кабинете, поэтому Вера лишь зло спросила:

– С чего Вы взяли, что именно Вам нужно было остаться?

– Потому что я не буду предлагать Вам поговорить или делиться причиной Ваших слез. Я просто посижу.

Вера громко шмыгнула носом и едко заметила:

– Костюм запачкаете, господин руководитель.

– Да плевать. Если бы мы сидели вот так, но в моем кабинете, я бы предложил Вам бокал виски…

– А я бы плеснула им в Ваше лживое лицо. – Демидов глухо рассмеялся, полностью облокотившись на батарею. – Я всё еще Вам не верю. Поэтому уходите, потому что я не хочу Вас видеть.

Он перевел взгляд на темно-русую макушку девушки.

– Вы и так на меня не смотрите, поэтому я никуда не уйду.

Она резко подняла голову и прошептала, глядя ему в глаза:

– Уходите к чертовой матери.

Отчаяние, сквозившее в ее взгляде, немедленно откликнулось в его сердце, и мужчина замер. Никогда прежде он не видел столько обреченности и боли в глазах молодой девушки, а их было столько, что у взрослого мужчины защемило грудь. Он не был бесчувственным роботом, каким казался всем остальным, именно поэтому он остался в этом кабинете и сидел сейчас рядом с Верой.

– Нет, – так же тихо, но упрямо бросил он в ответ и устремил взгляд в стену, опрокинув голову на батарею. – Можете ругаться, обзывать меня, даже ударить – пожалуйста. Вам ничего за это не будет.

– Какого черта Вы творите? Что с Вами происходит? Хотя, постойте… ах да, мне же плевать.

Истерический смешок вырвался случайно, но Вера уже была не в силах контролировать себя. Ситуация была до ужаса абсурдной: она, зареванная, сидела на полу в офисе, пускала слюни и сопли, а рядом в своем пафосном и накрахмаленном дорогом костюме сидел Демидов, слушая ее беспрестанное шмыганье. Он остался просто так, его никто не просил, не умолял. Он легко убрал Юру с пути и решил остаться. И эта мысль билась где-то в груди, мешая дышать.

– Очень хорошо, продолжайте, Вера Олеговна.

Фраза вызвала некое дежавю: что-то подобное он сказал ей в своем кабинете во время корпоратива. Но сейчас слова не были требовательными, наоборот, они были сказаны как будто невзначай, и это прозвучало искренне.

Она бросила на него взгляд, говорящий «Вы совсем идиот?»

Демидов не шелохнулся, глазами сверля противоположную стену. Его одеколон туманом окутал ее до сих поджатое тело, и она почувствовала, как расслабляется.

– Что я должна продолжить?

Он едва пожал плечами, стараясь держать дистанцию и ненароком не задеть ее локтем.

– Что хотите. Говорите, смейтесь, можете поплакать, покричать на меня….

«Сумасшедший. Если он скажет еще хоть слово, я рассмеюсь. А мне нельзя смеяться, я ведь грущу».

Ей хотелось ударить его, но высветившийся экран телефона послал электрический импульс в ее сердце. Она собралась было взять смартфон, но Демидов внезапно перехватил ее руку.

– Не надо. – Их взгляды встретились, и было очевидно, что он удивлен своему порыву не меньше нее. – Если эта вещь и то, что Вы там читаете, – причина Ваших слез, то не берите телефон в руки.

Ее рука упала на колени, и девушка лишь с некоторым беспокойством проследила, как мужчина аккуратно положил ее телефон на подоконник. Если бы это не был Демидов, Вера бы с гордостью призналась, что о ней только что позаботились. Не за что-то, а просто так. Но данная ситуация была далека от нормальности, и Вера бросила любые попытки ее проанализировать. Она лишь чувствовала тепло батареи своей спиной и наслаждалась сводящим с ума запахом мужского одеколона.

– Александр Станиславович, Вам не пора домой? – просто спросила девушка. Слез больше не было, и девушка лишь изредка шмыгала носом, но уже, скорее, по привычке.

– Нет, – так же просто ответил он.

«Он возвращается домой, а его никто не ждет», – слова Елены Анатольевны больно врезались в память. Сердце екнуло от чувства жалости к… к Демидову? Да, именно так. Вера чуть не поперхнулась слюной, начав кашлять, как самый заядлый курильщик.

Первый его рефлекс был пару раз постучать по спине, но, вспомнив о дистанции, Демидов решил воспользоваться словами:

– Всё хорошо?

– Да, чертовски хорошо! – послышался саркастический ответ. Вера чертыхалась, как сапожник, но в данной ситуации мужчина легко ей это простил. – Почему Вы никак не уйдете и не оставите меня в покое?

Он сжал губы в тонкую линию, впервые так близко рассматривая ее лицо, начинавшее потихоньку возвращать свой естественный цвет. Ее пересохшие губы точно так же сжались, как будто пародируя его мимику.

– Потому что, Вера Олеговна, на сегодня Вы мой единственный живой собеседник. И я не хочу упускать такую удачу.

Вера снова прислонилась головой к батарее.

– А знаете, – Демидов не отрывал от нее взгляда, внимательно следя за каждым движением ее губ, – мне смертельно хотелось Вас ударить, когда Вы подошли и так нагло сели рядом. Это называется нарушением личного пространства.

– До сих пор хотите ударить?

Она подняла на него спокойный взгляд и, помолчав мгновение, покачала головой:

– Нет. Но…

– Нужно быть начеку, я понял.

Что произошло дальше, никто из них не понял, потому что и Вера, и Демидов тихонько затряслись от практически бесшумного смеха. Перебрасываясь короткими взглядами, они наслаждались воцарившейся в офисе тишиной, ни один не находил в себе смелости нарушить ее. Вера разглядывала свои кроссовки, из-за опущенных волос не замечая, как Демидов рассматривает девушку.

Наконец, Минаева с досадой вздохнула и пробормотала, бросив короткий взгляд на циферблат:

– Мне пора домой, я на славу сегодня потрудилась, – и усмехнулась.

Через секунду Александр Станиславович уже стоял на ногах, протягивая девушке руку. Понимая, что после всего она не имеет права обидеть его отказом, Вера вложила свои пальцы в его теплую и удивительно широкую ладонь, и это движение отозвалось электрическим импульсом в теле мужчины. Ее ладошка практически утонула в его длинных пальцах. Поборовшись с желанием постоять так еще несколько минут, она все же спрятала руку за спину и неловко помялась.

– Благодарю. Что остались. И даже не выбесили своим присутствием.

– Благодарю, что так и не покалечили меня за то, что остался.

– Всё в жизни меняется, так что пока не за что.

Оба усмехнулись, и мужчина направился к выходу. На пороге он обернулся и проговорил:

– Что бы это ни было, не позволяйте ничему и никому так глубоко залезать Вам под кожу.

– Я учту это. Спасибо.

Он развернулся на своих каблучках и вышел из кабинета, оставив напоследок только шлейф своего одеколона. Шокированная девушка приросла к батарее, прокручивая недавно случившийся сюжет, и глубоко вдыхала аромат сандала. Как ни странно, теперь он не ассоциировался с его мерзким носителем, а наоборот, дарил успокоение. Вялыми ногами прошествовав к столу, Минаева с долей апатии стала закрывать все открытые на компьютере вкладки и расставлять по шкафам документы. Побросав зарядку, расчёску и ежедневник в сумку, она наконец направилась домой. Туда, где ее ждали.

Глава 13

От Андрея больше не было сообщений, и хотя бы за молчание Вера могла его поблагодарить. В эту субботу Ника, Саша и Вера сидели в баре, снова перемывая косточки всем подряд, как оголодавшие собаки.

– Ну мудак, причем наглухо отбитый, что я ещё могу сказать, – совершенно не стесняясь в выражениях, заключила Саша.

Ника поддержала ее высказывание каким–то странными звуками, потому что была поглощена смакованием молочного коктейля. Вера и Саша решили отказаться в этот вечер от чего-либо молочного и остановились на двух Лонг-Айлендах. Дорого-богато, зато в два счета снимает душевную и физическую усталость.

В этот вечер разговор выходил серьезнее, чем обычно. Шутки казались неуместными, ведь, проанализировав слова Андрея, девочки пришли к выводу, что угроза может коснуться и Есении.

– Он ничего не сможет сделать. Лишит денег – ну и пусть идёт лесом, больно нужен, – Ника, видимо, проживала в своем идеальном розовом мире, потому что Вера была с ней не согласна.

– Я не говорю, что деньги меня сейчас волнуют больше всего. Я просто пытаюсь просчитать все варианты. И не могу понять, что он всё-таки имел в виду. Он отомстит мне, или он отомстит мне при помощи денег. Или, самое худшее, он использует Есению, чтобы отомстить мне. Господи, мы развелись, а он до сих пор выносит мне мозг, – Вера прикрыла глаза рукой. – Может, и не стоило разводиться? Тогда у него не было бы повода мне мстить.

– Вер, ты дура?

Снова Сашина фраза (сказанная в довольно грубой манере) попала в точку.

– Да, дура. Думаю, что так.

Ника присвистнула:

– Эй, ты чего? Саша шутит. Но про развод и правда бред. Если б ты не развелась с ним, то у тебя цвет волос бы поменялся к 25 годам.

– Ха-ха, – как поломанная кукла, отчеканила Минаева.

– А Демидов красавчик.

– Что? – Вера вскинула глаза на Нику и резко огляделась. – В каком смысле?

– Я говорю, молодец, посидел с тобой, поддержал. Не бросил.

«Какой–то сплошной романтизм в каждом слове, аж воротит».

– Лучше бы бросил. Прям из окна.

Ни одна шутка в этот вечер не была удостоена даже улыбки, как, впрочем, и последняя. Вера окинула взглядом осунувшихся подруг и внезапно улыбнулась:

– Ну что, кислятины мои, расскажите вы что-нибудь, у меня уже язык в трубочку сворачивается. Мой лимит болтовни на сегодня исчерпан.

Будь они в школе, Ника сразу бы вскинула руку, потому что внезапно зажегшийся блеск в ее глазах подтвердил, что первая история будет от нее.

– Боже, сегодня такая ситуация была, ужас. Родительское собрание, значит. Я просто сидела, ногой болтала, ничего суперважного не происходило. Учеников отчитали, оценки огласили – всё по классике. И вот, когда все стали расходиться, ко мне подошёл мужичок, странненький такой, не страшный, но и не Том Хиддлстон, разумеется. Начал что-то спрашивать про своего сына, Крижечковского Ваню. Завалил вопросами, я уже хотела папкой его треснуть и свалить. В итоге, мялся, мялся, и говорит, мол, а можно попросить Ваш номер телефона. Я выпала. Думаю, ты чего, мужик, я вообще больше на ученицу похожа, чем на учителя, учитывая мой рост, – Саша с Верой в голос засмеялись, – а тут ты со своими подкатами. Да ещё и

папа! Да ещё и Вани! Нет, Ваня, конечно, не противный мелкий прыщ, но, блин, ему уже 12 лет! А сколько тогда папаше?

– Слушай, ну Демидову вообще все сорок пять, – выпалила Вера и тут же вся залилась краской. Девочки уставились на нее с открытыми ртами, но подруга поспешила исправиться, по-детски прикрыв рукой вырывающийся смешок. – Вот и получается, что нас троих везде преследуют деды, которым за сорокет. Такое вот цветущее окружение вырисовывается.

«Черт, хоть бы пронесло!»

Ника посмеялась и продолжила:

– Вот-вот, я тоже слегка в шоке была. Но, что бы вы там ни подумали, телефон я дала. Ладно, всегда можно тактично послать человека, и, к тому же, мое правило, как у Минаевой: никаких отношений на работе. Но ситуация, конечно, нонсенс.

Саша допила коктейль, и ее трубочка начала издавать хлюпающие звуки. Девочки закатили глаза, толкнув ее в бока с двух сторон.

– Что? Выпить уже нельзя?

– Можно, но культура превыше всего, – Вера сделала вид, что поправила очки на переносице и изобразила их сурового школьного учителя по русскому языку.

– Боже, не начинай, ты вообще сегодня валялась под батареей и пускала сопли чуть ли не в пиджак злобного старикана, – Саша решила послать ответочку и подколоть подругу.

– Он не… – Минаева замялась, но решила не углубляться снова в эту тему: будет слишком много вопросов. – Ника, мы от всего сердца желаем тебе удачи в новых отношениях! Рабочих, или каких ты сама пожелаешь.

Тройничок разразился заразительным смехом, чем вызвал смешанную реакцию со стороны других посетителей.

Вечером Вера сидела с мамой на кухне, доедая шарлотку, и прокручивала в голове недавний разговор с подругами.

Она снова чувствовала прилив благодарности к Демидову, но теперь это как будто сбивало с намеченного пути ненависти и презрения. Он мог бы развернуться и уйти, оставив ее одну отбиваться от нелепых вопросов Юры. Но почему–то он этого не сделал. Сел рядом с ней, завел нейтральный разговор, даже рассмешил. В тот момент не было ощущения, что рядом сидит Злой Король. Казалось, что два человека, которые заблудились в этой жизни, просто пытались помочь друг другу, выбраться из болота, даже если не за руки, и продолжить прокладывать собственный путь. Сейчас Вера была благодарна, что в кабинете остался именно Демидов, потому что женская интуиция подсказывала: будь это Юра, живым оттуда вышел бы только один. А Демидов… Он просто подставил свое плечо, не нервируя, не напрягая и не требуя ничего взамен. А ведь Минаева успела привыкнуть именно к такой схеме взаимоотношений, но ошибиться в этот раз оказалось чертовски приятно.

Другой момент: то, что ее мысли о Демидове приобрели позитивный оттенок, настораживало. Ещё вчера она поносила его самыми низкими словами, а сегодня ковыряла вилкой в тарелке и думала о нем. О нем, как о руководителе, который раскрылся ей с иной стороны. Сочувствующей, теплой и понимающей. Воспоминание о его прикосновении вызвали тонну мурашек по всему телу, и Вера тут же постаралась закрыть свое сознание от посторонних отвлекающих мыслей. В конце концов, кто он, и кто она?

Чувство недоверия никуда не исчезло, хоть и слегка рассеялось. Но, как опять шепнула треклятая женская чуйка, с этим человеком надо быть настороже. Недавно вы сидели плечом к плечу, а в следующий момент он вонзает нож прямо тебе в спину. Достаточно правдоподобно, не так ли?

Вера тряхнула головой и уткнулась обратно в тарелку с уже остывшей едой.

«Боже, дай мне терпения».

А терпение ей понадобится. Потому что в это же самое время Демидов сидел в своем неизменном кресле с тем же неизменным бокалом виски в руках и размышлял. Размышлял о Вере. Сам не понимая, почему его мысли так часто возвращаются к молодой сотруднице, он анализировал свое поведение. Всегда абсолютно холодный, терпеливый, неприступный и серьезный мужчина, рядом с ней он смягчался, словно оттаивая. То ли ее взбалмошность и дерзость привлекли его внимание, то ли он сам разглядел в ней достойную его интереса личность. Да, месяц назад он бы так и подумал – «достойную его интереса». Сейчас он лишь брезгливо поморщился, исправившись: «чертовски интересную личность». Вот и всё. Может, это вовсе и не его дело, но то, что в ее жизни что-то происходит, и что-то отнюдь не приятное, было очевидно. И мужчина стоял на перепутье, не зная, на какой путь свернуть: докопаться до истины или бросить, даже не попробовав? Первый вариант человечнее, но для достижения истинной причины ему пришлось бы для начала завоевать ее доверие, а в этом вопросе Демидов не был уверен в своей победе на сто процентов. Второй вариант был гораздо легче осуществим, но шел вразрез с желаниями его сердца.

Еще один глоток пустил в его тело прохладную, но обжигающую жидкость. Привкус виски застыл на языке, и мужчина вздохнул.

«Чертовски интересная и чертовски сложная личность ты, Минаева Вера Олеговна! Но если ты не станешь меня отталкивать и калечить, возможно, я смогу тебе помочь…»

Как он собрался ей помогать, один Бог знает. Никаких планов по завоеванию доверия не было, но мужчина ловил себя на том, что везде в здании университета старался выискать ее лицо. В столовой он теперь регулярно оглядывал всех сотрудников, надеясь где-нибудь найти темно-русую шевелюру, на улице рассматривал студентов в поисках Веры, а сидя в своем кабинете вздрагивал при любом стуке в дверь. Но она словно в воду канула, и он нигде не мог ее найти. Это бесило и сводило с ума одновременно. Как только он принял единственное достойное уважения решение, девушка просто испарилась, словно догадавшись о его намерениях ворваться в ее жизнь. Ему даже пришла в голову мысль, что она уволилась, но, пробив по базе ее личную страницу на сайте университета, он расслабился. Тогда, черт возьми, где она?!

Минаева действительно всеми силами старалась его избегать. В тот вечер она почувствовала себя слабой рядом с мужчиной, она почти сдалась его сильному и волевому характеру, почувствовав рядом надежное плечо (а надежное ли?). Поэтому теперь, видя, как мысок его классических черных туфель появлялся из-за угла, девушка быстрее ракеты мчалась в ближайшее укрытие. И пусть ее поведение кто-то назвал бы детским, ей было без разницы. Главное – не видеть его как можно дольше. Не обращая внимание на колотившееся сердце, она пережидала в каждом укромном местечке и только потом, оглядываясь, как самый настоящий воришка, пробиралась к пункту назначения.

Глава 14

В один из вечеров Вера спустилась в читальный зал, чтобы сменить Зою Аркадьевну, работавшую в первую смену. Та, как обычно, посетовала на недобросовестных студентов, которые как будто специально старались ей насолить. Минаева посмеялась:

– Зоя Аркадьевна, не переживайте, я разберусь. Кто тут, как-никак, за старшую остается? И с Вашими студентами разберусь, и со своими делами.

– Спасибо, Вер. Просто терпения уже не хватает. Неужели так сложно черкануть пару строк на нашу корпоративную почту, мол, прошу продлить. И всё, никакой нервотрепки! А мы тут должны теперь носиться с их задолженностями и ноги им целовать, когда они приносят книги.

– Ну ноги целовать у нас в трудовом кодексе не прописано, значит, можно обойтись без таких унижений…

– Добрый вечер.

– О нет… – Вера прошептала себе под нос, закатив глаза до предела. Демидов прошел мимо ресепшена к мягким диванам, стоящим около выставки новых поступлений, прямо справа от рабочих мест сотрудников. Суровым внимательным взглядом окинул предложенные издания, взял книгу и уселся на кожаный диван.

Первым порывом девушки было на коленях умолять Зою Аркадьевну, чтобы она продлила свой рабочий день часа на три, как минимум. Но, к сожалению, вариантов не было. Попрощавшись с коллегой, как со своим самым близким другом, девушка взяла стопку книг и уселась за свое рабочее место. Она не будет смотреть вправо, даже под дулом пистолета. А он пусть протрет до дыр хоть всю выставку, но она не поведется.

Периодически она чувствовала правой щекой его пронзительный взгляд, но упрямо смотрела в монитор. Обладай она магической силой или хотя бы бытовыми навыками, давно бы просверлила дыру в экране.

В библиотеке стояла абсолютная тишина. Только Верин сканер раз в несколько минут издавал страдальческим писк, когда девушка наводила его на штрих-код, кое-как наклеенный в книге. Щёлканье мышки только удваивало накаленную атмосферу, привнося монотонность и градацию напряжения. Едва слышное шевеление справа как будто прокричало: «ну посмотри на меня, упрямица!», но Вера держалась. Она вперила взгляд в экран, чувствуя, как глаза начинают слезиться от яркости дисплея, а мозг потихоньку таял от напряжения.

Стопка обработанных книг все возрастала, работа подходила к концу, и мысли девушки лихорадочно работали, придумывая себе следующее задание. Сходить проверить верность расстановки фонда? Но львиная доля книг была в задней части читального зала, а в это уединённое место было опасно забредать. Сделать вид, что тщательно просматриваешь почту? Но глаза взбунтовались, умоляя дать им передышку. Просто посидеть в телефоне означало, что Вера закончила выполнение задания, и мужчина без проблем мог подойти и начать свой разговор. Который, Вера надеялась, он всё-таки не начнет.

Слава Богу, к ресепшену подошёл студент. Вера выдохнула, чувствуя, как всё ее тело потихоньку расслабляется.

– Здравствуйте, мне нужно взять книгу.

Девушка послала лучезарную улыбку своему спасителю:

– Конечно. Автор, название?

Молодой человек замешкался от такого радушного приёма и смущённо пожал плечами:

– Адизес. Что-то про менеджмент. Может, я могу посмотреть?

Минаева тут же вскочила, указав рукой на дальний конец зала:

– Я Вас проведу, конечно.

Она практически на крыльях унеслась прочь от пристальных глаз, изучающих каждое ее движение.

– Вот раздел менеджмента, вот Адизес. Посмотрите, пожалуйста.

Студент кивнул с благодарностью.

– Спасибо большое, я посмотрю.

Вера не шелохнулась, ощущая себя, как назойливый консультант в магазине. Парень бросил странный взгляд на девушку и почти засунул голову на книжную полку, лишь бы скрыться от ее глаз. Вера потопталась на месте, решив наконец–то оставить в покое бедолагу, и подошла к соседней полке, делая вид, что расставляет книги по своим местам. На самом деле, в этот момент она полностью нарушала верный их порядок, но это ее волновало в меньшей степени.

Студент неожиданно вырос перед ней, протягивая нужный экземпляр. Она кивнула и прошла к ресепшену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.